



Из переписки И. А. Ильина и И. С. Шмелева

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<18.III.1927>

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Давно уже собираюсь написать Вам, да задержала ангина, которая тянулась две недели и меня душевно утомила и измочалила.

Я не могу писать Вам о «Солнце мертвых»¹. Потому что у меня нет такого чувства, чтобы это было «произведение», или «произведение искусства», или Ваше «сочинение». А есть чувство, что это *оно само*, сама бездна первозданная, сама *беда Божия!* Ибо все это так *есть*, так *было*; и если хотя бы только один раз *было*, — то уже *есть навсегда*. И как бы ни было это *человечно* — человеческих рук и человеческих слабостей дело — — — все-таки самое *ужасное* здесь не то, что «мертвых», а то, что «солнце»!! Я думаю, что никто еще и не знает, что Вы создали — потому что, выйдя и отойдя, все-таки же понимаешь и соображаешь, что это *Вы — создали...*

Я читал «Солнце мертвых» — долго; растягивал — откладывал; не то боялся, что кончится; не то боялся дальше читать; не то боялся, что я упущу что-то мимо своего духовного черпала. Это один из самых *страшных* документов человеческих. Мне: то казалось, что человеку от стыда нельзя больше жить на свете; то казалось, что *Бог ужасается, что создал человека*. Солнцу нельзя быть солнцем — мертвых! Что книга Иова? — рефлектирующее благочестие обедневшего и захворавшего жида!.. Что книга ходульных аллегорий и сонных страхов — Апокалипсис!?!.. Первое — эпизод; второе — сон. А это — *система бытия*. В средние века верили, что есть такие в небесах сконцентрированные квинтэссенции бытия — *sphaecula mundi*² — образы

мира, сгустки прототипические. Вот — «солнце мертвых». Богу — меморандум; людям — обвинительный акт. И этот пророческий, гениальный бред доктора!.. А возвращение Иваном Карамазовым «входного билета» — кажется после этого пустой, аффектированной фразой...³

Я знаю, что *Вы не* возвращаете этого билета. И Вы еще покажете — *почему* не возвращаете. Жду этого. А пока — верьте, «не притомлюсь в борьбе со злом»; хотя и один Господь знает, как я *бездонно устал*. Но опять позовет духовная труба — и весь я как камень, как меч, а зубы зажимает рыдание. Но об этом никто не знает — и пусть не знает.

В пасхальный номер «Перезвонов» послал статью маленькую «О путях России»⁴; написал под заголовком «Ивану Сергеевичу Шмелеву». Идея: нет народа с таким тяжким историческим бременем и с такою мощью духовною, как наш; не смеет никто судить временно павшего под крестом мученика; за то мы выстрадали себе дар — незримо возрождаться в зримом умирании — да славится в нас Воскресение Христово!

Не браните за то, что без разрешения.

Мне доставили номер рижского «Сегодня» с Вашим суждением⁵. Аттестат Ваш сохранию на память; если кто будет пить — предъявлю.

Спасибо Вам за чудесное письмо. Я его много раз перечитывал. И конечно, тоже сохранию. И во всем согласен.

Буду ждать еще книг Ваших. Как хорошо бы нам лично повидаться! А то у меня даже возникла потребность и настоятельная — портретами поменяться... Как Вы думаете?

Плохо и мало меня печатают в «Возрождении». Чувствую себя, как лошадь стреноженная. Если увидите Петра Бернг<ардовича> — спросите его мимоходом и *от себя* — почему-де мало «Ильина»?

Наталия Николаевна шлет Вам привет. Мы с ней постоянно говорим о «Солнце мертвых»; и восприняли его однородно.

Горячо Вас обнимаю и братски люблю.

Ваш И. Ильин.

1927. III. 18.

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<14.VI.1927>

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Наконец я могу позволить себе сообщить Вам основную сущность того «дела», на которое я Вам намекал и о котором нам следует поговорить лично.

Некоторое время тому назад один знакомый привел ко мне русского, национально мыслящего человека, недавно приехавшего *оттуда* и имеющего очень солидное прошлое и очень солидные связи. Туда он больше не собирается, а желает работать здесь. После всесторонних и длительных обсуждений выяснилось, что мы с ним в большом и полном единомыслии и единоволеии; что он имеет деньги на издание идеологического журнала и желает эти деньги предоставить в мое полное распоряжение à fond perdu⁶; и что мы друг другу вполне доверяем.

Ныне программа журнала мною выработана, деньги уже внесены, переговоры с типографиями уже налажены; и вот что решено⁷.

1. Я есмь редактор-издатель. 2. Журнал будет выходить в Берлине, с 1 сентября, ежемесячно (?) размером в 5 листов, ценою в 1 1/2 марки, 9 франц<узских> франков. 3. Он будет состояться на основе единой идеи и единомыслия, без разнобоя, полемики etc. 4. Это должен быть журнал *волевой* идеи, такой, чтобы ее хватило в России и на 50, и на 100 лет. 5. Каждая строка будет оплачиваться и *прилично* оплачиваться <—> 16 долларов за лист в 35 000 букв; деньги выложены на стол прямо на несколько номеров вперед. 6. Предполагается настойчивый, волевой аппарат распространения, повсеместный; и далее — отправка на *внутренний* рынок.

Я не могу скрыть от Вас, что от одной идеи о Вашем участии в этом журнале у меня делается радостно на душе. Одно только — по уставу мы не будем печатать художественную прозу, или «беллетристику»: не хватит места. Но мои надежды на Шмелева-публициста, пророка и сатирика (сказки!). Ему будет одно из самых первых мест, и притом самое почетное место в журнале.

Я не мыслю журнала без Вас. Откликнитесь! Загоритесь! Дайте *мне* Ваше вещее, глубинное, огненное слово! Хотите призыв к русскому народу — давайте призыв (как Вы мне писали в одном из писем...)! Хотите «горькую сказку» — давайте сказку! Хотите обличение наподобие «доктора» из «Солнца мертвых» — давайте, давайте! Все будет приниматься с радостью и помещаться с гордостью...

Мы не будем забирать слишком направо; мы будем свободны от левизны. Я не наглашу туда ни колеблющихся, ни усталых, ни исписавшихся. Я буду искать «сенек» по «шапке». Я мечтаю о густом, почвенном, свежем, дерзающем и трезвенном, ответственном слове. На днях вышлю Вам два общих «досье» — о задаче журнала и об общем направлении. Пробегите их, но *не стесняйте себя ими*: пишите так и о том, как и о чем позовут Вас написать голоса, мудрые голоса в ночи!

Для первого номера (я не мыслю *ни одного* номера без Вас!) надо было бы иметь к 1 августа, — но я мечтаю до тех пор увидеться с Вами лично. В начале июля буду в Париже, а потом проеду на юг Франции.

Итак: зову и мечтаю!

Ваш И. Ильин.

Все сие пока *строжайше* между нами! Не хочу без нужды обижать людей...

Пишите сюда!

Спасибо Вам за «Человека» и за «Сказки»⁸. То и другое мы прочли с Нат<алией> Ник<олаевной> вслух. И глубоко оценили. Но какой же Вы *разный*! Полное перевоплощение... Такие ведь те Предметы, которые созданы Творцом. И из каждого Вы говорите на «евоном» языке.

1927.VI.14.

< Приписка: > Где Вы? С какого времени? Как Ваш точный адрес, если он новый?!

И. С. Шмелев — И. А. Ильину
<24.IX.1927>

24 сент<ября> 1927 г.
Carbreton (Landes)

Дорогой Иван Александрович.

Прочитал сейчас Ваше «Общее направл<ение> ж<урна>ла» — голова кружится! Это — **исторический** документ. Это

«пантеон» русского ума, русской души и сердца. Это — энциклопедия русск<ого> возрождения! Да, голова кружится — от величия и **правды** будущих напряжений. Это же такое **поле** — куда, к черту, анемичные (и — сколь политые кровью!) программы усохших и прокуренных (часто — злющих) душонок всей жадной «стервы», подлой стервы, сожравшей столько чудесного в русском народе, всегда жаждавшем **подвига**! Сколько сгорело на злом огне! И — какие возможности открываете, разворачиваете Вы **теперь** — для уцелевшей и будущей **русской** интеллигенции! Чудесная, захватывающая *система*! Да, это и не на 50 лет: это на сотню, больше. Это — впрок! Это такой **засол**, что нужны бондари искуснейшие, и — клёпка д<олжна> б<ыть> из чистого, не сучкастого матерьяла! Дай, Господи! Да **этим**, если приступить складно, можно зажечь молодые (да и старые) души. Верю: будущие студенты наши, будущие студентки — подлесок рус<ской> буд<ущей> интел<лигенц>ии — элиты — на 99 % — верный засол! Голова кружится. Стратотерпцы будут! Столпники — и даже блаженные! Верю (и всегда верил), что Россия *полна такого засола*. Я, представьте, даже в похабников-комсом<ольцев> верю! Этих даже двинуть можно — и загорятся. Правда, они многое «в оборот возьмут», на расчистку ринутся, — «головы кинут прочь». По России надо будет идти — пророкам и глашатаям. Пылкая, горячая... — и надо в русло вводить...

Вижу, чувствую, — чудесное дело **начинаете**. И охватыв<ает> меня тревога — до чего ж я слаб, не готов! Ну, буду и я подпевать. Ищите же, ищите помощников! Надо создавать **Орден**, **Союз русских строителей**! Да, *русских каменщиков* (не масонов, черт возьми, а ревнителй!). Именно — Святой Союз нужен! Вы должны это делать, сделать! И *надо это* — Вам, не страшась. Будут тогда и средства. Считайтесь с *человеч<еской>* природой. Да, «детское» это, но оно нужно. И я хотел бы говорить об этом. Нужно «*Общедействие*», в тайне, в *грезе* — пусть, но **нужно**. Надо учиться у врагов. Надо **подбирать**, с велич<айшей> остор<ожностью> и тактом, с клятвами, с Крестом и мечом, с *Евангелием России*. Да, надо быть «святыми революционерами». Надо раздувать пламя, **пафос** национального!

Подумайте о сем! Вы для сего и живете, я чувствую. И это не фашизм будет, а русская духовная дружина. Цель — беспредельна и высока — до Бога! Во имя — Ее, России. Это не романтизм, а наше право, наше *добытое*, — не от эстетизма духа, а от ограбленности нашей: это завет — могил, миллионов могил безвестных!

Я хотел бы встретиться с Вами и говорить. Попаду я в Sevres к 1 ноября, думаю.

Теперь о журнале. Надо, чтобы его легко находили. Где же у Вас отдел<ение> в Париже? Ведь выписывать из Германии — уже подвиг. Надо **совать** в нос! Под рукой чтобы было. Иначе — засорите дело. **Знаю**. Где у Вас склад для Фр<анции> — ведь здесь ядро. Где склад для Чехии и Балкан? Читаю сегодня в «Возр<ождении>» объявление — не вижу. Ради Бога, скорей налаживайте! Ведь начнут Вас «драть» — *рвать* «Рус<ский> кол<окол>» «собаки» («Собаки лают — значит, едем!»), публика насторожится, а книжки нет под рукой. Скорей давайте в Париж. И — ядро надо, святое ядро, к которому прильнут. Да, Св<ятая> Святых — у Вас, но прихожан надо **взять**. Не бойтесь «ордена». Он — **хлеб** момента. **Надо**. С велич<айшей> осторожностью, понятно. **Тайна** — у немногих, но эманация от нее — д<олжна> захватывать. Вы — Строитель. Нужны — работающие! Россия — Господь — благословит. Это же, что Вы дали в досье — религия России, — проповедуйте! Заклинаю Вас — не ждите, чтобы сами слепились. Будемте лепить. И — в тайне. Русскую чудную **женщину**, женщину-мать, женщину — будущую мать! **Она** — всесила! Вы даете чудный, освещающий и манящий **огонь**! Его давно ждут. И будет у многих — чудеснейшая **цель** — жить и ждать, но ждать, делая. Это — *хлеб живой*, это — вода живая! Это — выход к Идеалу.

Что делать с присл<анным> Вами «докладом»? Я его взял в душу! Вернуть? У меня голова кружится. К 3-й кн<иге>, не знаю что, — но попробую дать. Я почти здоров. Но *ущу* себя. Обнимаю Вас, дорогой Учитель! Низкий поклон Вам и Нат<али> Ник<олаевне>.

Будьте здоровы, крепки! Ваш душевнейше Ив. Шмелев.

*И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<конец декабря 1928>*

Дорогой Иван Сергеевич!

Только что прочел Вашу статью об Айхенвальде в «Возрождении»⁹. Считаю себя повинным дать Вам к ней следующие комментарии.

1. Айхенвальд был убежден, что *Россия погибла*, что ее *больше нет* и что все предсказания и предчувствия о ней были фантазиями. Это он не раз высказывал устно.

2. Со свойственной ему ядовитой иронией он высказывал это и *письменно* — в статьях своих и газете «Сегодня». Еще полтора года тому назад редакция «Слова» прислала мне одну такую статью с издевкою над «пророчествами» Достоевского, прося меня отделать его до свежих веников. Статью эту и я и Наталия Николаевна признали *гнуною*. Отделать его я, к сожалению, не мог, заваленный колокольною работою. Эти антинациональные статьи его появлялись в «Сегодня» систематически.

3. К этому же времени относится его статья в «Сегодня», в коей он, примыкая к Бердяеву и его низкой статье в журнале «Путь» (против моей книги «О сопр<отивлении> злу силой») ¹⁰, горячо поддерживая выходки Бердяева против меня, добавлял к ним ряд собственных злобных и пакостных инсинуаций.

Так как он был достаточно умен и достаточно знал меня, чтобы знать, что лжет, — то после этой статьи я в течение года *не подавал ему руки*.

4. Год тому назад он принял деятельное и злобное участие в травле только что появившегося «Русского колокола». Жена моего деньгодателя, прочтя его злую и ироническую рецензию в «Руле», горько плакала о том, что «есть же предел человеческой несправедливости и злобе».

5. *Кого он «вел»?* — У него был здесь в Берлине кружок из пятнадцати антинационально настроенных еврейчиков. Их он «вел» к импрессионистическому смакованию *бывшей* литературы *бывшей* России. Помню, как в прошлом году я по ошибке вошел в *его* аудиторию и хотел начать свою лекцию; в ужасе я увидел перед собою — изумленно вытаращившуюся на меня толпу евреев, человек в 20, которые и объяснили мне мою ошибку.

6. Этим летом он прислал мне статью в сборник о Толстом (выйдет на нем<ецком> языке, труды Научного института ¹¹, сборник я редактирую). В статье этой было место (я оставил его) с возмутительной выходкой о христианстве. Но христианство было *не* названо; я не мог придраться и запротестовать; удрученный и отвращенный, я *оставил* это место.

7. *Куда он «вел»?* — К *непротивленчеству*; к *ликвидации* русской национальной государственности и к *безверию* в Россию, к *импрессионистическому* *слащавому* смакованию того, что ему *субъективно* нравилось в литературе; а потому — к критике *бездоказательной*, то *беспочвенно* сентиментальной, то *беспочвенно* злобой.

Прохвост Ходасевич ¹² был прав, написав еще в 1912 г. критику на айхенвальдовского «Пушкина» ¹³ — «Сахарный Пушкин».

С 1923 г. я болею душой оттого, что немцы в Берлине получают русскую литературу от этого антинационально настроенного, чуждого русскости, «псевдорусского» иудея.

8. Поучительно было, что, когда он умер, здешние «русские» синагогальные евреи (гессенцы и милюковцы) заявили, что он по вероисповеданию *иудей* и что они будут хоронить его по-своему. Им возразили, что он был прихожанином «евлогианского» прихода. Они ответили: «Если бы он был христианином, он не мог бы работать с нами *так, как он работал*, с нами и в наших организациях». Тогда было документально установлено, что он — член прихода и — его похоронили, увы, на православном кладбище в Тегеле.

Это был человек достаточно сентиментальный, чтобы казаться добрым, будучи злым; и достаточно литературно одаренный, чтобы выдать свое импрессионистическое безмыслие за эстетическую критику.

Ныне у нас эпоха *ответственная*. Мы должны говорить о мертвых *правду*. Смерть Айхенвальда не национальная утрата, а *форточка для свежего воздуха*. Лучше ничего, чем антинациональная лживость, прикрытая «л-ю-б-о-в-ь-ю» к России и русскому. Это была фигура *фальшивая и вредная*. И недаром еще полгода тому назад мне пришлось в его присутствии поднять вопрос о *моральной извращенности*, которую дышат все его постановки вопросов.

Он *не был русским*. Это главное. И дух его *предал* Россию. Это тоже главное.

И Вы можете себе представить, с каким тягостным чувством мы, Наталия Николаевна и я, читали написанный Вами канонизирующий его апофеоз...

Когда боль и огорчение от этого пройдет, я напишу Вам о делах и о себе.

Ваш И. Ильин.

1928.XII.25.

Berlin W.62.

Wormser Str., 4, III

Нет, нет! Слава Тебе Господи, с Айхенвальдом еще не «конец». И Россия *есть*, и ее литература *есть*, и «на ветер» она «не пошла» от смерти одного антинационального иудея. Избави нас Бог от таких «верных хранителей»!!

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<23.IX.1931>¹⁴

1931, септембруария, 23.

Дорогой Иван Сергеевич!

ГРрррррррромы небесные да ПОРррррррразят Вас! Посылая Вам «стансы» — я заклинал Вас не читать их профессссссссиональным поээээтам! Как то — Бальмонту¹⁵; и другим. А Вы что сделали??! Какой же Вы мне кум, ежели Вы так меня кум-прометируете? Ведь Бальмонт подумает, что строчки вроде

«И наслаждались они
Явленьями природы»

или

«Являло им молчанье гор
Образчик совершенства», —

что эти строчки я *НЕ-ЧА-ЯН-НО* написал, что я их *всурьез* выдаю. А-а-а-а! Мое доброе имя! Бедное мое имя! Мое поэтическое вымя! Бедное мое вымя! Мое литературное знамя! Мое художественное пламя! О, грядущее племя! Какое ты воспримешь семья!?

Нет, нет, нет! Мы с Вами, явно *начинающие* поээээ-ты — мы должны беречь свою и взаимную репутацию, чтобы она не превратилась в перепутацию, распутацию и ампутацию!

Коварный друг! Жестокий друг! Я требую удивлетворения: Вы обязуетесь *взять назад** (перед Бальмонтом и другими профессорами-поэтами) мои стансы. Stans'ы. Да разве мы с Вами *такое* напишем, если у нас делается поэтический *STANS!* Ррррррр!! Мы создадим *академию*, новую! Не какодемию (от *κοινων τό δήμος*¹⁶), а настоящую!

Но об этом до следующего письма.

Обнимаю Вас, жестоковыйный!

Ваш отец Катавасий Синедрионов.

Абдрист: Schweiz Рига (Tessin) bei Trüb.

* Примечание: На чей зад? неизвестно!

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<27.VIII.1932>

27 августа 1932 г.
Адрес: Schweiz.
Berner Oberland.
Grindelwald. Hotel Central-Wolter.

Дорогой Иван Сергеевич!

Случилось то, чего я опасался — Равка с радости ошалел, напился и написал Вам моветонное письмо. Что же делать — такая натура! И мне тоже накатали послание. Посылаю Вам его (с позволения сказать) эксцесс, ничего не исправляя и не меняя. В исполнение его неотвязчивой просьбы посылаю Вам одно его «морсо», которое он особенно любит и целыми днями распевает на мотив «Круговой поруки» («С ружьем в руке охотничек по полю проходил»). И при этом всегда фальшивит.

Мы сейчас в Гриндельвальде, в Бернских Альпах. Высота 1030 метров. Сегодня ходили к леднику — страшный! голубой! грязный! висит и непрерывно под себя пускает! Хорошо, что Равки не было — уже он бы сочинил какое-нибудь морсо.

Душевно Вас обнимаю. Со стихами равкиными поосторожнее. Там не все прилично.

Ваш И.

СОН

*Посвящается
русским народникам*

Объевшись раз за ужином,
Я видел странный сон —
Народники по дюжинам
Всходили на балкон.

Речами несуразными
Мutilи всякий сброд
И бородами грязными
Трясли на весь народ.

Кричали, что «инструкция
Нужна для разных дел»,
«Аграрная продукция»
И «черный передел»...

Кричали, что их партия
 За власть возьмется, коль —
 Народу выйдет хартия,
 Земля, и хлеб, и соль.

Пройдет Руси бессилие,
 Дадут деревья фрукт,
 Начнется изобилие,
 Размножится продукт...

И только что «размножили» —
 Слышна вдали гроза:
 Дороги словно ожили,
 Идут, скрипят воза...

Чтоб угостить народников
 Продуктами земли,
 Двенадцать тыщ охотников
 По бочке привезли...

И сами — все на корточки...
 Ах, нет на вас пути!!*
 Пришлось открыть все форточки,
 А самому уйти...

И что же в назидание
 Осталось от всего?
 Страдало обоняние!
 А больше — ничего...

< Письмо Питирима Равки:>
 Достоименитейший и всеобщезвестный
 Иван Сергеевич!

Утешили! Прямо скажу: утешили и обрадовали! Наконец-то наш професор разрешился от бремени и написал Вам о моем *каноне*! Все откладывал, откладывал, 2 года уже. И чего откладывал? Трусил за меня, что ли? Ведь изобретение-то *мое*, а не евоное! Ну, не понравилось бы, и беды ему нет.

Но теперь нас уже ТРОЕ АКАДЕМИКОВ! Мы совокупимся усилиями — и все попрем! Мы распустим такие Буни, мы наде-

* Это для детей и дам. Для взрослых иная редакция: «Ах, м... ва-шу...!»

лаем таких Мережков, подпустим таких Алданчиков, что всех об Ремизим! Каноны мои, каноны! Выражайтесь! И заражайте!

Смачно — сочно —
 Хоть двустрочно —
 Толстым квачем —
 Набулгачим —
 Вдохновимся и взыграем —
 Нагло набелибердаем —
 Всех поэтов мы обставим —
 Удивляться мир заставим —
 Эй, поэтицы — каракатицы,
 Литературные пустосвятицы!
 Худо-севичи пусто-певичи
 Фрррррр — щелк! На обей ЛАПАТКИ!

Нобелять-то нам же всем-то уж вряд ли придется, но накобелять-то мы сумеем!

Гип, Гип, Гип — — иус! — ура!

Присылайте скорее Ваши академические материалы, а я буду присылать свои. Я же ж давно говорил — Гению Пути не заказаны. А профессор-то наш все не верил. На радостях пишу и ему, чтоб он Вам послал из нашей с ним коллекции;

Ах же какие у нас скопляются морсы!

Тезоименитейший, молю! Рожайте необузданно!

Поймите — все же дозволено!

Даровитейший! Жду от Вас эксцессов академических!

До свиданьица-с!

Ваш Вдохновенный

Пети-Пити-Пяти-без пути мы не его Рим Равка

Рим

(от радости усидел красного — 3 бут<ылки>.

пива — 4 бут<ылки>.

грогу — 3 стак<ана>) Итого — 10 штук.

Пишите мне на профессора! Ура!

*И. С. Шмелев — И. А. Ильину
 <2.VIII.1933>*

2.VIII.33.

Капбретон.

Дорогой, чудесный Иван Александрович, — уж так Вы меня — нас обоих с О<льгой> А<лександровной>!¹⁷ — обласкали, **нашли** в нашем одиночестве больном, что слова мои бессильны

высказать. В тяжелые минуты, **нехотя**, — перемогая себя и страшась новых пакостей газетного листа, развернул я в субботу «Возр<ождение>», увидел Вашу статью-поэму¹⁸ — и не мог читать, так разволновался. Пошел бродить по городу, боясь читать. Так я отвык читать о себе, что начертание имени чужим показалось мне. Это какой-то другой Ш<мелев> — так мне и показалось. Читали мы вместе, а потом я еще, с перерывами, три раза прочитал... Ну что же мне говорить — не скажешь. Это все-таки, должно быть, не я, хоть многое мне знакомо. Мне навязчиво думается, что я должен буду все это — заслужить еще и что у меня уже нет сил — заслужить. Вы мне, страстным талантом Вашим, в долг много отпустили, щедрый! Я читал Вас, как слушает похвалу учителя ученик, рассчитывающий проехаться хоть на троечке, а получивший неожиданно пятерку с плюсом. Но вот что... — чем больше вчитывался я, тем больше видел — и поражался! — как насыщена Ваша речь, сколько надо духовных сил, чтобы вобрать в ум и душу этот «пир слова», слова-мысли! И чувствовал, что о каждой блеснувшей мысли — а они неустанно бегут и нагружают! — Вы можете властно говорить-учить, доказывать, обосновывать сказанное вскользь, — ибо Вы строгий и властный хозяин сказанного. Я удостоен Вами высокой чести, вряд ли и вполовину заслуженной. Вас удостоиться, Вашего разбора, — это для меня честь и счастье, — это и честь, и счастье — для всей литературы нашей, ибо Вы первый судья, бесспорно, имеющий власть и право судить и взвешивать искусство наше. Вы, при всех Ваших знаниях, многосторонних и многомерных, наделены от Бога даром художника-мастера, острым духовным глазом, горячим сердцем, пламенным словом, богатствами русской речи, потрясающими меня, в изумление и восторг приводящими. Откуда это?! Я в пуще народной вырос, а Вы-то... откуда у Вас такое постижение **слова**, такая к нему чуткость, такое знание?! Не по трудам Вашим сужу только, — а, вообще, по речи Вашей, и устной, и эпистолярной. Вы сколько десятилетий отдали на кабинетную работу... — где же Вы так наслышались **живого**, играющего слова?! Нет, не наслышались Вы, а **от недр** оно в Вас, неведомо для меня. Оно в крови у Вас, в Вашем существе неповторимом, в помазании Святым Духом. Вы — да что, у меня и слов нет. Да еще скажете — эк его, как рассыпается, подбрасывает-стелет коврики! Нет, не подбрасываю. А радуюсь, как же блестит талант русский! Что Ключевский¹⁹ в истории, — по слову! — то Вы — в словесности. Вы же — иной Потемкин, не косноязычный и полновесный, переобремененный глубинами мысли, а удиви-

тельно ярко-ясный, легко захватывающий и уводящий в неведомые царства Слова, показывающий сокровища — жизнь и движения, и **соки** Слова — Живого слова. Вам ведомы его скрытые законы, его тайная жизнь и его потрясающая **живая** и творящая власть. И представляется мне, что Вы носите в себе неиссякаемый источник тайн слова, — какие-то еще никем не написанные книги о слове творческом, о законах его жизни... Вы можете — да, можете! — как-то совсем по-новому дать нам — и как же это нужно теперь особенно! — и Пушкина, и Крылова, и Гоголя, и Лескова, и Достоевского, и Толстого... — весь наш Олимп, русский святой Олимп, — Афон!²⁰ И мы раскроем бесценные новые сокровища в россыпях, будто бы отработанных. Вы меня называете поэтом... Пусть, кум grano салис...²¹ но Вы-то воистину Поэт-Мыслитель, главой уходящий в облака, а ногами ступающий по вселенной, не только по родной земле: у Вас не отвлеченность — игра мыслей самодовлеющая, а **все** — накрепко связанное с **живым** в человечестве, с самым важным для мира-жизни и — для **родной** земли! Гимн Вам пою? Да, пою, ибо — сердце мое смотрите! — гимнов Вы достойны не моих, одиночных, а — народных. Как бы могли Вы говорить народу! как бы могли вести! И дай Господи — дожить Вам до этого дня — счастья! Ибо у Вас сложное — силою слова — преображает по воле Вашей — в простейшее — и важнейшее — доступное народу. Какие бы неведомые тайны радости и духовного богатства открыли бы Вы ему! Как бы могли ощутимо показывать и смысл жизни его, и пути его! Ибо — универсальны Вы, мыслитель, учитель, оратор, волшебник, взрыватель душ — и увлекатель острым словцом, невыдуманым, а естественно и мгновенно рождающимся, от избытка чувства, от игры мысли со словом.

Вот Вам мое признание в любви, бессвязный выжим из накопившихся во мне богатств о Вас — и Ваших. Вы столько повсюду разбросали мыслей-образов... — если бы Вы их объединили в книги — части какой-то Энциклопедии — о Жизни, о Народе, о Боге, об Искусстве, о Молитве, о — проявлениях Божества — во всем, человеку видимом, человеком творимом... о божественном естестве в человеке... С Вашей страстностью, с Вашими устремлениями — Вы могли бы быть творцом новой религии, нового толкования Мира и его смысла — новой и более близкой человеку, более **человечной** философии, системы философской — русской религиозной философии. Тут бы Вы излились, вычерпали бы все скрывающиеся в Вас, не отозвавшиеся еще возможности-богатства. Жизнь настолько запуталась — всяче-

ски и повсюду! — что начинает чуваться, что нужен какой-то новый путь, **нового** христианства... какого-то уяснения всем по-новому — может быть, даже и со строгостями! — жизни, ее смысла, обязанностей... Человечество явно **ищет**, чтобы им управляли, вели иными путями... — в тупик и в провал вошли, — **нового** слова ищет. Наш век отменяет и отменит с яростным смехом многое «священное», казавшееся таким. Или же — забытого старого жаждет? Но — обновленного, но — по-новому уясненного. Сейчас только первые корчи и судороги, а «припадок» будет, взрыв будет... — в народах, в человечестве, — и или Пришествие будет, или — новые пути откроются, когда человечество сумеет найти равновесие между новым ритмом жизни, — разумею изменение, всяческое, материальной структуры, — и основами духа, тысячелетними. Открывается что-то... — не доживем, не узрим, а — грядет! И если это **новое** откроется в России, тогда искупятся вся кровь и все мучения. Новая мелодия «Слава в вышних Богу»²² — должна бы начинаться в России, в **Новой**. Христианство, родившееся в простой жизни, двадцать веков тому, **не** привилось к человечеству... а в такой стоэтажной жизни, с такими скоростями во всем... — не привьется никак, ибо Христианство — страшно внутренне, духовно насыщено и требует тишины и простоты. Или же необходимо всем этим скоростям взорваться, провалиться к черту в дыру, необходимо **забыть** человечеству **все**, и обогащенному опытом страданий и безвыходности, властно и всеобще начать новое христианство, спаливши все старое. Но к этому приведет сама запутавшаяся жизнь, и спрашивать согласия не будет. Как легко разрушать старое — мы знаем — по нашему делу, русскому... знаем и по германскому. Сейчас куется разрушение — в Америке. Слепо, а куется. Докуют до чего-то. Так вот, куда я «довертел», говоря о Вас. Чудится мне, что Вы о многом продумали, многое знаете, о чем еще не говорили или только касались.

Ну, простите за многословие. Благодарю Вас за «Вальфарнах Брот»²³, за Ваше содействие, за заботы, за Ваше слово обо мне — опять! — в «Эккарте». Удивило меня «циркул<ярное> п<ись>мо» 120 Дихт унд Шриффтшт²⁴. Зачем это?! Ну, это, м<ожет> б<ыть>, нужно издат<ельст>ву. О<льга> А<лександровна> все еще больна, хотя удушья реже, доктор Серов написал из Парижа совет. Это — от воспаления гланд. Я то болею, то скриплю. **Ничего** не могу писать, пустой. Да и стимула нет, негде печататься. Живем скудно, но... — это все переносимо. Порой что-то проходит в душе, но не принимает очертаний, — так,

вихрится. И кажется все — ни к чему. Понимаю я Ваши переживания, милый И<ван> Александрович>. Когда невесело, нет свободного воздуха дышать, душа — именно — не цветет. А как бы хотелось мне услышать — в письме бы хоть! — Ваш веселый, играющий смехок внутренний! Если бы Вы могли сюда приехать! Дешево бы устроились, вздохнули... — в соснах. Не смею верить. Целуем Вас с Наталией Николаевной, будьте здоровы, дай Вам Бог нечаянной радости!

Ваш, благодарящий Ив. Шмелев.

<Приписка:> За 3 мес. я не написал ни строчки! Правда, проработал и раздвинул «Богомолье». Получаю приветы за «Лето Госп<одне>»²⁵. Одна дама даже стихи прислала! для книги.

<Приписка:> Вряд ли что получу от Экк<арта>: ведь — мораторий? А Sandr<eia> — ничем еще не порадовала. Экк<арт> будет для нее допингом, надеюсь.

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<7.VIII.1934>

Милый и дорогой друг!

Я получил от Вас много, а не писал Вам ничего. Я получил письмо от 2 июля, открытку от 7 июля, открытку от 15 и открытку от 27 июля. Каждая была мне *радостью* — и больше всего то, что Вы уехали, видите Божию красоту, отдыхаете, — что зашевелились и зашептали в Вас струи, что Вы меня помните. Помогите Вам Господь! *Обрадуи* Вас Господь! Все, что Вас касается, я впитываю в себя — как свое, родное, драгоценное; каждый день о Вас думаю в разных лучах. Не писал же Вам, чтобы не огорчать, — врать не мог, а *мне очень тяжело*.

В начале июля я был уволен вместе со всеми другими соотечественниками с того места, которое занимал 12 лет, — уволен за русскость. Это большой удар во всех отношениях, и я его весьма ответственно, тягостно и с волевыми выводами переживаю. Материально я еще прокормлюсь, вероятно, несколько месяцев, но духовно и патриотически — это целое событие — целый крах. Мне бесконечно грустно, что не могу Вам раскрыть всего; все это событие довожу до Вашего сведения крепко-доверительно, не сообщайте об этом другим, это могло бы многому хорошему повредить, но поймите, что в душе я перетираю пудовые камни. Я нисколько не Сальери, — но невольно вспоминаю — «в награду любви горячей, самоотверженья, трудов,

усердия, молений...»²⁶ Чувствую себя так: снова лег мне на главу перст ангела, ведающего все и ведущего, — и снова трепещу — спрашиваю: «Куда ведешь и ведешь ли? не оставил ли меня? и если оставил, то за что? и *стоит ли жить дальше?*» — И еще: страшное сознание своего одиночества, своей *ненужности*, своей черной *ненужности* для чудесной нашей родины — легло на меня камнем. Конечно — *честь и верность* моя со мною и я знаю, хорошо знаю те часы, в которые я их предпочел всяческому личному устройению. Но, Господи Боже мой! Что за страшное время выпало нам на долю, что негодяям, законченным лжецам и бесстыдникам пути открыты, — а нам — поток унижений! Ах, не выскажешь в письме ничего! Но, Вы, чудесный художник, поймете все и так!²⁷

Сию на месте. Отдых необходим, а путей к нему пока не видно. Обертываюсь назад — и содрогаюсь, видя, *сколько раз* и из *каких ям* и петель вынимал меня Перст. И только в минуты малодушия — унываю и отчаиваюсь.

Вот, дорогой, почему не писал Вам. Не браните. Но и не спрашивайте о деталях. Верьте, что я все время и до конца — совсем предметно и совсем нелично служил делу, — и именно поэтому отнадобился. Quos vult perdere dementat²⁸, а моя личная судьба в Руце — в Руце! И еще верьте — что бы со мною в дальнейшем ни случилось, какие бы пути ни открылись — на этих путях я всегда буду искать и найду возможности быть Вам полезным.

Кто читал начало «Няни», все восхищаются. Дошел ли до Вас мой фельетон «Борьба за художественность»? — будет еще окончание. Хотел прямо сказать, что школа экономии, насыщенности и лаконизма, в том числе и в больших романах — Шмелев, см. «Няню», — где видимый «водолей» весь насквозь лаконичен и необходим, — но потом решил — не тыкать, назвать рядом условно Бунина (у которого водолей часто не более чем водолей), — а о «Няне» написать потом отдельно.

Очень хорош был очерк о встрече с Чеховым²⁹. Превосходно! И как хорошо, что Вы вернулись в газету!!

Попытаюсь послать Вам Мер<ежковского>, а м<ожет> б<ыть>, и Ремиз<ова>³⁰.

До свиданья, мой дорогой! Жена шлет Вам обоим ласковый привет. Бог даст, Ольга Александровна вздохнет и отдохнет в горах. Обнимаю Вас обоих.

Ваш Иоанн Рыдалец.

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<2.X.1934>

2.X.1934

Дорогой друг Иван Сергеевич!

Не писал Вам давно потому, что очень тяжело было на душе. Об этом отдельно. В конце августа мне удалось получить «аванс» за давно уже сданную книгу, а тут звали в Белград лекции читать в начале октября — дорогу туда-назад оплачивают. Мы и снялись на отдых. С заездами ехали. 3 сент<ября> уехали из Берлина, 11-го приехали в Рагузу, где и пробыли. 1 окт<ября> рано утром выехали через Сараево в Белград. Море дивное. Какие закаты! Какая бухта с черными горами в Катарро! Какие стены в Рагузе (т. е. Дубровнике)! — Но я ходил все время печальный, угнетенный и очень беспокойный, мало ел и плохо спал. Загорел, но исхудал. Часто с любовью думал о Вас, а жаловаться не хотел. И вот, все-таки жалуясь.

Туземцы той страны, где я постоянно живу, поступили так со мною.

За то, что я

а) несколько не сочувствую ни разговорам, ни планам об отделении Украины³¹;

б) категорически отказался насаждать антисемитизм в русской эмиграции³²;

с) абсолютно никакого сочувствия не обнаружил и не обнаружу к насаждению их партии среди русских эмигрантов;

они

а) лишили меня права на работу и заработок в их стране;

б) уволили меня из Рус<ского> научного института (*нами* созданного) с лишением жалованья;

с) запретили мне политическую деятельность в их стране под угрозой концлагеря;

д) распустили обо мне систему слухов, политически у *них* порочащих (масон, франкофил, жидолюб, поработен жидами и т. д.);

е) выпустили по-русски клеветническую брошюру³³, которая рассылается и *по другим странам*, где, между прочим, утверждается,

что я «не выслан, а *прислан большевиками*»,

что я грибоедовский «Удушьев, Ипполит Маркельч»,

что я объявил себя до них — юдофилом, а *при* них — стал антисемитствовать и читать лекции об арийском начале,

что я, след<овательно>, переметная сума, карьерист и масон. И *все* одна ложь!

Это за все, что я сделал у них и для них по борьбе с коммунизмом! Подумайте, ведь задохнешься от человеческой подлости! Но не это еще главное. А вот главное: надо *повернуться* и *уехать*. А *уехать* — *не-ку-да*! То, что я себе готовил с июня в другой стране — повисло на волоске именно вследствие их гнусной клеветнической кампании: одни там поверили, что я подделываясь к антисемитам и стал антисемитствовать, другие решили, что если меня травят эти люди, то, значит, принятие меня будет им не угодно и вызовет дипломатические (!) осложнения.

Вот когда задохнешься! Я никогда не стану масоном. Но и к дикому антисемитизму ихнего лагеря совершенно не способен. Этот антисемитизм *вреден России*, опасен для нашей эмиграции и совершенно не нужен внутри страны, где антисемитизм давно уже разросся до химеры. Не говоря уже о его элемент<арной> несправедливости.

Еще одно. Я *никогда* не хотел и не хочу делать политическую карьеру. И всякую реальную политическую комбинацию *непреренно* и *неизбежно* передал бы русским патриотам-непредрежденцам. Я ни о чем теперь так не мечтаю, как уйти *совсем* от политики и дописывать начатые мною *семь книг*. Я *совсем не болею честолюбием*; или точнее — мое честолюбие в том, чтобы мои книги *после моей смерти еще долго строили Россию*. В стране, где я жил, я всегда помнил, с *кем* имею дело; никогда не связывал себя *никакими* обязательствами, не страдал *никаким «фильством»*, не торговал русским достоинством и *свято блюл русское достоинство*. Мои книги знают по *всей* стране; в газетах и рецензиях много раз писали обо мне самые высокие, конфузющие слова. Но я *не* ихний Я русский. И *ныне мне там совершенно не место*. Я сделал *все*, чтобы не упустить для России ни одной возможности; но теперь мне там делать нечего. Русская нац<иональная> карта там бита; из эмигрантов преуспевают — политически — одни прохвосты. И если мне будет некуда уехать, то передо мною нищета, что при моем здоровье означает медленное умирание.

Поймите, мой дорогой! Мне надеяться *решительно не на кого, кроме Бога*. Я стыжусь моего малодушия и моих жалоб. Ибо в *таком* положении — непартийного созерцателя, который вследствие своей непартийной предметности и непоклонности зажат *на смерть* между двумя партиями, — я *не в первый раз в жизни*. Так было, когда кассовцы завладели Московским уни-

верситетом и за мое выступление на диспуте Струве лишили меня курса и пытались сдать в солдаты³⁴, а кадеты (впоследствии устыдившиеся) воображали, что я против них «интригую». Кончилось это тем, что кассовцы и кадеты (профессора) вместе *единогласно* дали мне степень доктора за магистерскую диссертацию³⁵. Так было при большевиках, когда я пять лет ежедневно ждал ареста и расстрела; и это кончилось (после 6 ордеров на арест и процесса в трибунале) — изгнанием. И так обстоит ныне: я не могу быть ни масоном, ни антисемитом. Для меня один закон: честь, совесть, патриотизм. Для меня одно мерило — русский национальный интерес. Но это неубедительно никому. И вот, я снова перед провалом — и на этот раз. Впервые не просто зову *Его* на помощь, но, увы, — зову *с ропотом*.

Всею жизнью моею свидетельствую: до конца честно и совестно борящийся — не бывает *Им* покинут. А я вот — валюсь в яму и не вижу исхода. Ибо всякий «исход», убивающий мое духовное творчество, есть не исход, а *яма* и *умирание*. А я, клянусь вам, имею еще кое-что сказать и России, и о России.

Какой же вывод из всего? Помолитесь за меня хорошенько Господу, поручите меня Ему и пойдите возьмите на *свое* имя для меня одну десятую билета в нац<иональную> лотерею, тираж которой 9 октября. Не говорите об этом *никому*. И в письме ко мне не называйте этого билета «моим»; в нашей стране запрещено брать чужестранные билеты. Пусть он называется *Аллемонским* билетом.

И еще. Я пришлю Вам в машинописи письмо с изложением всей этой истории. Оно будет иметь форму *личного* письма к Вам. Будет *без* подписи. Кончатся словами «вот и все». Сохраните его. Не давайте его *никому* переписывать или уносить; а когда я Вам пришлю список имен, то *этим* людям, и *только* им, под *чрезвычайной доверительностью*, прочтите вслух. Всякая неосторожность может стоить слишком многого; в той стране не церемонятся; там *настоящий террор*. И это надо будет сказать в предисловии *каждому*.

Из двух возможностей, что куда-нибудь пригласят преподавать на жалованье и что найдется меценат, который будет давать мне триста марок в месяц, чтобы я мог спокойно проработать несколько лет, *уехав из той страны*, я положительно верю больше во *вторую* возможность, как *это ни глупо*. Ибо все академические лодки полны уцепившимися за края — и люди не постесняются новому цепляющемуся ударить ножом по пальцам...

Довольно об этом.

Дорогой мой! Напишите мне о себе! Что вышло в Ницце? Как Вы вернулись в Париж? Как Ваше самочувствие? Пишете ли Вы что-нибудь? И что? С радостью читали мы Ваши воспоминания о Чехове. Свадьба — это целый показ, целый комментарий к творчеству Чехова! Как Вы повидались с Буниным?

Я много думал о Вашем переживании в горах. Решил про себя, что это был взрыв художественного отождествления — ушедшего в материю: позвало до отождествления пространство, потянула прорва, художник рванулся к единобытию с зияющим и всасывающимся миром воздуха. Я чуял это не раз в горах, но никогда в такой остроте... Спас ангел.

Простите мне это письмо. Но кому же мне высказаться, как не Вам? Кто поймет? Кто отзовется? «Что ж, — скажут в эмиграции, — пусть сядет в автомобиль! Не он первый, не он последний. От суммы не отрещивайся». Тогда, может быть, лучше уж в «человеки из ресторана»?³⁶ Эдак хоть никого не задавишь!

Душевно Вас обнимаю. Оба шлем самый чистый, братский привет Вам обоим.

Адрес: Белград. Poste restante.

В Белграде мы пробудем недельки две. Туда можно писать. Но письмо, имеющее прийти в мою постоянную страну, должно быть очень осторожным! Помните: *террор, перлюстрация, доносы*, — а я под ударом.

Впрочем, Вы всегда мудры и осторожны.

Несколько месяцев — два, три — до января — я вероятно протяну еще кое-как... Но дальше?!

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<10.X.1938>

Дорогой Иван Сергеевич!

Лежу в постели, больной (t°, грипп). Пишу с трудом. Только что получил Ваше письмо от 8 окт<ября>. Спешу отозваться несколькими словами.

Худ<ожественный> предмет приходит к писателю в тех формах, в каких ему надо, а не писателю. К Вам он пришел в акте «опустошения, отчаяния и безверия»³⁷. Это не *Вы* опустошены и отчаялись! Это *акт* предметовзятия. Не огорчайтесь и не противьтесь. Этого «Безбожника» Вам необходимо принять, объективировать, выпустить его из себя. Это необходимо не

только Вам, а всем. А потому — *радуйтесь!* Идет через Вас новый мировой образ, ныне одержавший мир своими гибельно-спрутьими лапами соблазна. А если Вам кажется, что это *Вы сами*, то при силе и пластичности Вашего худ<ожественного> акта — это иначе не может быть. Вы и Няней были; и всеми Вашими героями. Примите и *этот* образ и начинайте его скорей объективировать.

Верьте — Господь не химера. Он реальнее всех нас. И мы есьмы только через *Него*. Это надо видеть. Но видеть это нам не всегда по силам. Увидеть пустоту и отчаяние богоотрицающего акта и показать его другим — есть акт *Бого-исповеднический!* Ибо Бог видится не только своим *присутствием* в душе святого и героя, но Он показывает себя и в *отсутствии* своем, через это самое отсутствие.

Сообщаю Вам доверительно: я покинул страну моего прежнего пребывания *совсем*, с вещами, с книгами, с мебелью. Больше не вернусь. Там такой нажим на русских честных патриотов! Там терпят только *предателей* и *своих агентов*. Ни к тому, ни к другому я не способен. Что со мною дальше *будет*, неизвестно. Я наг и сир — и в Руке Божией. Пока Она вывела меня с крайней милостью — дала наступить на аспида и василиска³⁸. Но куда ведет — не знаю, не вижу. Как будто ангелы-хранители вывели нас из рва львиного или из Петровой темницы³⁹. Да, мы Его осязаем ежевзглядно, всяким вздохом. — А Ольга Александровна все время с Вами, и Вы ее не огорчайте ропотом. *Оставьте другие худ<ожественные> замыслы — делайте одержавшее Вас.* Моя книга о писателях выйдет, вероятно, к Рождеству. Одновременно будут приняты все меры к тому, чтобы Климов уплатил Вам долг. В результате политич<еских> преследований последнего года я болею 4-й месяц нервными мигренями — ежедневно. Напишите мне поскорее — *что* Вам нервно помогало? Калэфлюид? Или Спермин Пэля?

Обнимаю Вас.

Ваш И. И.

Locarno-Monti Villa Montanina Suissc.

<Приписка:> Посылаю свой новый опус.

<Приписка:> Пожалуйста, узнайте мне и пришлите поскорее адрес Лоллия Львова⁴⁰. Очень нужно!

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<13.X.1938>

Милый, друг, Иван Сергеевич!

Бесконечно тронут Вашим участием. И желанием помочь. Помните: Господь «и намерения лобзает» (Иоанн Златоуст⁴¹).

Гонение⁴² на меня в Германии началось еще в 1933 г. за то, что я дерзал быть русским патриотом с собственным суждением. Вот список.

1933. Апрель—июль. Первые посещения моего жилища политической полицией. Попытки разоблачить меня как «франкофила» или же использовать меня против остальной эмиграции. Мой отказ.

1933. Август. Обыск у меня. Арест (так и везли под стражей через весь город на полиц<ейской> открытой колымаге). Запрещение «заниматься политической деятельностью» под угрозой концлагеря.

1934. Апрель. Предложение мне как профессору Русского научного института заняться пропагандой антисемитизма во всем эмиграционном рассеянии. Мой категорический отказ.

1934. Июнь. Мне отказано в праве на работу.

1934. Июль. Я уволен в два счета из Русского института.

1935—1937. Я работаю в частном порядке с Еванг<елической> Церковью.

1937. Август. Вызов в политическую полицию, где за четыре года скопились доносы на меня из среды «русского нац<ионал->социалистич<еского> движения». Доносы эти были читаны моими друзьями. Были доносы в 22 пункта.

1937. Октябрь. Два допроса в Гештапо.

Не служил ли я в Москве большевикам? Отв<ет>: нет.

Почему меня не расстреляли сразу, а выслали только через пять лет? Отв<ет>: Бог не допустил.

Не масон ли я? Отв<ет>: нет.

1938. Февраль. Вызов в Гештапо. Запрет *всяких выступлений — по-русски, по-немецки*. Прекращен мой открытый философский семинарий.

Никакие протесты не помогают.

Узнаю стороной о новом накоплении доносов.

1938. Апрель. Приглашение к заместителю Розенберга⁴³. В беседе категорически заявляю, что Украина не в моей власти, но что на оккупацию ее и отчленение никогда не соглашусь.

1938. Май. Я готовлю мой окончательный отъезд из Германии.

1938. Июнь. Я получаю в *частном* порядке три уведомления.

1) Поход на меня будет продолжаться.

2) Пропагандное министерство объявило меня «разоблаченным масоном», а мои публичные выступления недопустимыми — за отсутствие в них антисемитизма,
— за проводящуюся в них христианскую точку зрения.

3) Будет сделана попытка использовать мои силы в подготовке похода на Россию.

1938. Июнь. Я беру визу на Карловацкий Собор⁴⁴ и получаю ее с правом возврата в Германию.

Я передаю свою квартиру.

Вещи и книги на склад.

Один из друзей получает от меня генеральные полномочия на все мое имущество и на ведение моих дел.

1938. Начало июля — я покидаю Германию совсем. Уезжаю в Швейцарию.

На Карловацкий Собор я не поехал по болезни. Все эти гонения причинили мне многомесячную ежедневную мигрень (с конца мая до сегодняшнего дня). Состав Собора был такой, что если бы я на него поехал, то я задохнулся бы от отвращения к мобилизованному там черносотенству, с привлечением целого ряда заведомых агентов Германии, руководивших травлею против меня.

В июле и в августе мне удалось вывезти *все мои* чемоданы с *рукописями*.

1 августа я подал прошение о праве жительства в Швейцарии. Ответа оф<ициального> *еще нет*, но решение будет положительное. Вмешался целый ряд влиятельнейших лиц, первый — Рахманинов⁴⁵. И это наладится.

1938. 17 сентября приехали все мои вещи: мебель, библиотека и прочее. И приняты *беспошлинно*.

Около 20 сентября — Гештапо накладывает арест на мою брошюру «Der Angriff auf die Ostkirche»⁴⁶. Она очень корректная. Всецело против большевиков. Это речь, которую я за эти годы произнес 25—30 раз на собраниях и съездах евангелических пасторов (от 20 до 400 человек). Она была напечатана еще в декабре 1937 г. и продана в количестве 20 000 экз<емпляров>. Остальные 15 000 арестованы.

В начале октября узнаю, что Гештапо повсюду разыскивает мое германское пребывание и добивается моего адреса⁴⁷.

Вот, дорогой мой, картина...

Меня вынесло из Германии, как на крыльях ангелов: нигде ни зацепки. Все спасено: до писем Врангеля, Шмелева, до записей и альбомов *включительно*.

Здесь я прожил уже июль—сентябрь, и хватит еще прожить без заработка месяца четыре. Потом? За это время надо вылечиться, восстановить свою работоспособность и найти заработок. Возможно ли? — Невозможное от человека — возможно есть от Бога. Если начну погибать, то *подниму вопль на всю эмиграцию. Вопль о помощи*. И Вы узнаете, будьте уверены. Милый и дорогой! Спасибо!!

Почему⁴⁸ в Германии вдруг конфисковали мою брошюру? Потому, что там начинается «трехлетка противохристианства». План: через 3 года ни в одном храме не должно быть больше христианского богослужения. Какое же? Сами выдумают.

Да — это Вам не масонское «отделение Церкви от государства». Это называется иначе. И в *этом* их существо. Антихристианский шовинизм, которому все дозволено <...>

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<10.I.1939>

1939.I.10

Милый и дорогой друг Иван Сергеевич!

Не браните, вот уже пишу. И за Ваше письмо Вам спасибо! *Радостью* оно мне было. И рассказ Ваш в «Возр<ождении>» был прелестный, спасибо⁴⁹. И еще спасибо за посещение всех *трех* господ, и Ант<она> Ив<ановича>⁵⁰ в том числе. Лекция его была хороша и верна, очень значительна и очень полезна.

А про нас вот что.

9 июля выехали. 1 авг<уста> подали прошение. 16 сент<ября> Рахманинов обеспечил необходимую кауцию⁵¹ в 4000 франков. 31 окт<ября> переехали в Цолликон под Цюрихом. 4 ноября прошение начало рассматриваться. 23 ноября Цолликонский совет дал право пребывания на год. 28 ноября из кантональной полиции последовал грубый отказ с предложением добыть *обратную* визу в прежнюю страну или убираться куда угодно. 29 ноября я был сам у кантонального директора, представил свои объяснения и *категорически* отказался от позора «просить обратную визу». Он понял. На 1 дек<абря> я получил приглашение в высшую инстанцию, в Берне. Часовая беседа — и все

разрешено. 7-го снят запрет с мебели и книг. 8 дек<абря> вещи и книги перевезены в заранее снятую квартирку. С 10 дек<абря> мы у себя. 19-го приглашение в Берн в не правительственное заведение. Полное единомыслие. Возможность литер<атурной> работы; обещание выхлопотать право на труд.

После этого — глубокая реакция и протрация: с июня нервы были на диком взводе — провалился на дно самочувствия, теперь начинаю вылезать. Господь помог: «воду прошел яко сушу...»⁵²

Все с нами здесь — от мраморного обломка храма Дмитрия Солунского⁵³ (от IX века с Афона), все иконы, русские картины (Нестеров, Бакшеев, Антонов, Климов⁵⁴), до последнего листочка моих рукописей.

Со дня на день в Риге должно начаться печатание двух книг:

1) О тьме и скорби. Книга худ<ожественной> критики. Бунин—Ремизов—Шмелев. 14 листов.

2) Кризис безбожия. 2 листа.

К марту обещают выпустить первую; к февралю вторую.

Здоровье; последний диагноз — *ревматизм* (люмбаго в плечах, локоть, кисть, и *ревм<атизм> головы*). Откуда?! Простуды не было. Аутоинтоксикация из гланд. Лечение? Потееющие паровые ванны с массажем и сложная гомеопатия («Веледа» — швейцарская новость). Лучше ли? Нервы успокоились. Гланды будет лечить специалист. Питание стало удовлетворительным. Началось улучшение.

Ваш Bromogenol — выписал. Средство хорошее. Спасибо!!

Но — вкус?! — выпьешь, и как будто станционный сортир во рту ночевал («Станция Бахмут, начальник станции без м... Остановка пять минут»). Мерещатся во рту какие-то писсуары, мецуары, для мужчин — для женщин — словом, «астанавливацца строга васприщцаецца» и — называется потому «Пепин». (пипин?)

Но средство хорошее. Как Вы его глотаете? Задом, что ли, извините пожалуйста?! Или с запивкой — заедкой? Но действует и успокаивает.

А вот Вам еще другое спасибо.

Недавно пишет мне мой друг Ник<олай> Карл<ович> Метнер: «Сейчас читаю “Няню из Москвы” Шмелева и наслаждаюсь несказанно. До чего она нам близка, эта няня... Какая изумительная речь!» —

То-то я, Ильин, радовался и торжествовал. Ходил по квартире и порывивал про себя: «ага, то-то, ага!»... Но в суждении Метнера я никогда, впрочем, и не сомневался.

Дорогой! Что Вы, как Вы? Не замерзли ли Вы в своей студии? Просыпается утром — и видит — что сам стал студень и вокруг студень! Ведь этот Париж насчет замерзания — сущий замерзавец! Les boulets!⁵⁵ Бррр!

А кормит Вас кто и поит? Как это было трогательно, когда Вы мне да еще монет предложили! Без слез об этом подумать не могу... нет, мне тут не дадут погибнуть — разве только Господь отзовет...

Я недавно за всеобщей рождественской молился о моей малой головно-ревматической работоспособности: «Господи, устне мои отверзеши, и уста мои возвестят хвалу Твою...»⁵⁶ Но — Его воля!

Вчера мерили мне давление крови: 155 при 55 годах нормально. Завтра натошак будут отстой крови делать — тогда напишу о результате. Надо установить, что гланды не создали нигде скрытого гнойника.

Храни Вас Господь! Пишите!

Обнимаю и крещу Вас заочно.

1939. I. 10.

Ваш Иоанн.

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<9.IX.1945>

9.IX.1945. Воскр<есение>

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Только что проглотили мы три первые части Вашего созерцания «Почему так случилось» и ждем четвертую*. Спасибо за память, за привет ко дню Ангела моего ангела-хранителя и за немалый труд переписания. Надо бы это все *наружу*, печатать да издавать. Это скорбное горение мысли не должно оставаться под спудом: оно *русское и нужно русским*. В переведенном виде ни одна европейская «мозга» ничего не поймет...

Однако вижу в этом созерцании суд и бич на нашу интеллигенцию. Ваше письмо о «Книге Судеб» переросло и этот суд, и эту казнь. В нем неуместно было бы слово «случилось». Кажется мне, что ничего за эти годы не «случилось». Помню, Петр Бернгардович вопил в 1922 г., что все «случилось» только оттого, что Врангель не успел создать белую кавалерию, а осталь-

* Все дошло без малейшей цензуры!

ные-де объяснения «удачи» большевиков вздорны. Мне и тогда уже казалось, что не «случилось», а «совершилось»; но *почему* и *зачем* — доселе о сем бунтующе вопрошаю к небу. Зачем надо было «пропать» *именно Россию* и притом на десятилетия? И сейчас думаю, что «совершилось» и «совершается» — и притом во *всемирном* масштабе. Может быть, мы и «высоких зрелищ зрители»⁵⁷, но я чувствую себя *бестолковым* зрителем, решительно «недопущенным в совет»⁵⁸. О новом «откровении» чающе вопию с 1919 г. Думаю, что настала новая эра, когда надо идти от *Духа* — к Сыну и Отцу, ибо Отца утратили, несмотря на пришествие Сына, а Сына утратили потому, что Духа отвергли. Думаю, что выхлебываем малою ложкою великий котел безбожия; и, как пели красноармейцы в 1920 г. — «весь котел сожрем» мы сею ложкой. Думаю еще то, чему посвящены мои последние книги — «Заглохшее сердце» и «Созерцание далее»⁵⁹: что для обновления жизни надо обновить культурно-творящий акт, перестроив его на основе *созерцающего сердца*, — всю науку, всю религию, все искусство, все право, всю политику и все хозяйство надо растить и строить созерцающим сердцем, — т. е. видеть сущее и творимое лучом любви, совсем свободно и совсем искренно. С ужасом созерцаю умное и порочное, властолюбивое и изощренное бессердечие католицизма, и полное разложение православной церковности. С отвращением вижу масонство сочувствующим дьяволу принципиально и советскому в особенности. Вижу смуту и беспочвенность везде, и антибольшевистские силы мира вижу не в Духе, а в каком-то пустотрупии. Чувствую себя (за пределами своей духовной ячейки) — крепко одиноким, но утешаю себя тем, что это одиночество не было бы столь кругло-сиротским, если бы общение письменное и печатное было налажено.

Только что читал «Вестник Академии наук СССР», № 11—12 от 1944 г. Страшно! Горько! Больно до смерти. 80 % открытого, обязательного подхалимства, льстиво-ласкательства, тиранообожания и 20 % жалкого банального лепета о Крылове, о Брюсове и о Вольтере (часть исследовательская). Бесконечные награждения орденами *химиков* (атомо-логия!) и всего два-три знакомых имени — Тарле, Волгин⁶⁰ и перебежавший из Латвии Виппер.

Только что читал письма с ближнего востока. «Патриарх» Алексей⁶¹ объезжал православные приходы и «вселенские церкви». На всех приемах присутствовали два НКВДиста, записывавшие *каждое* слово, сказанное *им* и *ему*. Он знал, что «на

него» провокационно удят, и говорил благочестивости и советские лояльности.

Только что читал подробные свидетельские показания из Германии, что советские делают с русскими военнопленными и остовцами. Перевозят в свою зону, немедленно за проволоку, по спискам отбирают на ликвидацию, остальным (мужчинам и женщинам) бреют головы, разъединяют семьи и дают каждому заполнить анкету в 152 вопроса; потом каждый должен «защитить» свою «диссертацию»; в Россию их *не* возвращают совсем — ставят на *военные* работы в пределах оккупационной зоны. Десятки тысяч убегают, бегут на Запад, прибегают и хоронятся по лесам и оврагам: *все* лучше, чем «эдакое» опять...

Вопию — слезно, горько, всем сердцем: «за что, о Господи?! и доколе же, Господи!?» А в эмиграции то и дело слышишь: «Оправдались! изменились! стали патриотами! пора признавать!». Но никто не «едет», а «страхуются» на местах.

И вся эта масса русских в Германии непоколебимо убеждена, что Советы готовят «третью, мировую», доканывать покачнувшийся «капитализм». — Добавлю к этому от себя — «en connaitssance des causes»⁶², если готовят, то нарвутся и сорвутся. Страх перед советским «всесилием» *тает* во всем мире, тает на глазах. Как только «народ» «ушел» и осталась одна сов<етская> оболочка, так пошли бестактности, саморазоблачения, заносчивая глупость. Россию спас *народ*: он использовал трупную форму советчины как *орудие* для разгрома своего вековечного наружного врага; он разыграл роль внутреннего врага против внешнего. Победил и домучивается теперь от внутреннего. Все, что советы «добудут» в итоге этой победы, все *именно поэтому* потеряет национальная Россия, ибо мир доселе не отличает «советское» от Русского, «коммунистическое» от национального.

Дорогой мой! Пожалуйста, не говорите о *долге*, или *возврате*, или *займе*. Россия давно присудила бы Вас к «пожизненному питанию в Пританее»⁶³. Но ее нет сейчас. И слабые, кустарные попытки сделать кое-что вместо России — совсем не заем, а полубессильная штопка национальной дыры.

Обнимаю Вас. Жена шлет сердечный привет и благодарность.

Ваш Всеотже.

Если Вы видаетесь с двумя Антонами⁶⁴, то прочтите каждому в отдельности для дискретного сведения выдержки из этого письма по Ваш<ему> усмотрению.

И. С. Шмелев — И. А. Ильину
<4.1X.1946>

4.9.46.

Милый друг, дорогой Иван Александрович!

От души отлегло, — слава Богу, Наталия Николаевна выправляется. Мне написала Шарлотта Максимилиановна⁶⁵, что заболевание — нервного порядка — итог тяжелых переживаний за годы от всех зол в мире и, особенно, от тяжелого бремени, выпавшего России; душе глубоко чуткой и все хранящей в своей глубине такие перенаполнения, конечно, дают в конце концов **заряжение**, — болезненное, явно выражаемое то в полном упадке нервных сил, то в их бурном проявлении. Важно, что Наталия Николаевна органически здорова. Значит, необходимо медленное, ритмическое «разряжение» и отвлечение в отдохновении, приятной и неутомительной деятельности... — для меня в так<их> случ<аях> бывало полезно решение тригоном<етрических> задачек (Цезарь — «De bellu gallico»⁶⁶), пасьянс, механич<еский> счет... — что чутье подсказывало. А лучше всего — газет не читать и ничего не слышать о современном. Я вот 5-й мес<яц> не читаю газет. Потери не вижу.

Получил Вашу книгу-машинопись — «О тьме и просветлении»⁶⁷. Прочел, и буду еще читать. Труд Ваш поистине огромный и плодоносный. Так еще не давали, насколько знаю, «анатомии» и «психологии творчества». Эта книга вытекает из Вашей теории эстетики, выраженной так блестяще в труде «Основы художеств<енного> творч<ест>ва» — «о совершенном в искусстве». Теория Ваша, по-моему, уже не теория, не «гипотеза», а — закон. Как бы увенчание всех теорий. И как же Вы ее художественно-четко применили! И свет, и блеск. Так глубоко, и так осязательно еще не разбиралось творчество данного художника. И теперь видно — так, только так и можно постичь его. Вы дали не наброски, не силуэты, не портреты: Вы дали — **лики**, живые. Дали — **сущности**. Вы вскрыли то, что и носители этих сущностей не сознавали вполне, — в чем эти «сущности». И дали художественно-предельно. Акт «родового инстинкта» в иск<усст>ве Бунина...⁶⁸ — это Вы, единственный, поставили такой точный, тонко-художественный диагноз! Вот уж, именно иск<усст>во Б<уни>на — все в «комплексах», вытекает из темных недр очень властного полового инстинкта, как бы оно ни было закрываемо **цветами** бытия, вплоть до... «космических». Ныне сказалось это обнаженно: вся послед<няя> его ра-

бота — серия этюдииков последнего росчерка его старческого пера, — растеряв **цветы** прикровенности, от ослабления творческого «дежурного аппарата», от бессилия и от... «несдержки», — крики-вопли гаснущего импотента во всех смыслах, попытки приглушить ужас-крёхот **конца**. Художник внешнего опыта, Б<униин> ярей действует ныне — внешними средствами, но впустую: он даст еще более обнаженные образцы, может в всевластную паскудографию впасть... — да и впадает! — и кончит слюноистечением. Таков **мой** вывод из Вашего неумолимого диагноза. Душа не стареется — она богатеет и **молодеет** с годами, и ее внутренний опыт с годами насыщается тончайше. Из тлена рождшееся, чувственно жившее, — сникает вместе с распадом тленного.

Отлично дали и акт Ремизова, его «запуганность», его страхи жизни, **Жизни**, представляющейся ему — Неумолимой и как бы тупоглазой. Он знает это, но хочет **дышать**... — и при своем богатстве матерьяло-слова находит выдыханья, пусть кривясь и юродствуя, чтобы забить, доколотить в себе этот **страх**. И людей жалеет — **от себя, через себя**, всех, когда может протащить через себя, — наделяет тем же корче-страхом, до заклинаний, до... чудачеств. У него тоже «комплекс» — есть и от «пола»! — куда сложнее инстинкто-поло-комплекса... с большой примесью... «богобоязни». Чистого Бога я не найду у него, ему бого-чудачки ближе... — отсюда и многие кривизны его Миколы. Отсюда и переслойка «времен» — как бы сны в снах... Но сны эти или больные, или на-виденные... — он, за нехваткой снов **Жизни**, творит их сам... — надо же как-то **жить**, свично душе — **образами**. Я чувствую, что Ремизов вызвал в Вас большое напряжение и утомленье духа. Искусство его — нелегкое, не-чистое. Оно страшно изувечено, в надломах и неудачных сращениях этих надломов, и потому — стоит нередко у входа в патологический отдел клиники. Он старается уйти от него, укрыться в **ребячье**, заиграть себя игрушечками, но не в силах заиграться. «Лунатик» в искусстве. Не всегда забывающий, что он **не** лунатик. По «карнизам» ходит, а голова кружится. Кажется порой, что это игра в «лунатизм». И все же он очень непосредствен, «юрод», с глазком-прищуром. Мешает ему **отдаться** — ярая любовь к **слову**. И, как обиженный ребенок, не может обойтись, чтобы не ударить по причинившей боль «бяке». Для меня он, вообще, **темный** в смысле, напр<имер> — «темная вода». Скорбь и боль очень ему чувствительны, до подкожной боли-горенья... и выход у него... лишь в воздыханьи-вскрике. Путей не видит, их нет. Вы его дали осязательно-

верно, при всей его «неосвязаемости». Он болеет страданиями других через свой... **страх всего**.

О себе не смею говорить: земно кланяюсь. Поражен, потрясем, озираюсь до непостижимости, как можно так **видеть!** Для сего надо **чудо** или **два чуда**: 1 — гениальное мастерство проникновенности, 2 — чудеснейше-точный инструмент-лот глубин человеческой души, и — творящей души! И еще: надо большое **сердце**. Без такого Сердца, хоть и при всех других высоких качествах, познание и раскрытие Искусства — глубинное! — недостижимы <...>.

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<29.1.1947>

29 января 1947 года

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Вы не первый трясете меня за шиворот по вопросу об «обращении» «рационалиста», а я не впервой дивуюсь на Вас; *чего* Вы ищете? *чего* Вам не хватает?! Сегодня понял: Вы философствуете *не тем актом*, которым *художествуете*; и отпустили свой этот *другой* акт в Виктора Алексеевича⁶⁹, в коем сей акт, воплотившись, окостенел и «тупикствует» (от слова «тупик»). Проблема Виктора Алексеевича *не* есть, однако, проблема для Ивана Сергеевича. Ибо Иван Сергеевич сию проблему *художествуя разрешил*. И странно мне чувствовать и видеть, как Иван Сергеевич *опять* заползает в Виктора Алексеевича и вместе с ним «тупикует», а крыльями хлопает не за Виктора, а за *себя самого*. Разрешите формулировать философски, но без помощи глупых рисунков (на семинарских занятиях я всегда еще рисую. Вам Вигеша расскажет).

Пока акт умственного понимания, основанный на чувственном наблюдении, и отрешенный от сердца и воли, от сердечного созерцания и волевого (совестного) созерцания — считается *единственным допустимым* или хотя бы *главным*, человек Бога не увидит, веры не найдет, религиозным не сделается. И притом потому, что он *не той «рукой» к Предмету тянется*. Сонату не увидишь. Портрет не услышишь. Права «эмоцией» не постигнешь (ошибка Петражицкого!). Геометрическую задачу отвлеченною мыслью не решишь. Родину себе не выдумаешь. Республиканец никогда не поймет, что значит *иметь Царя*. Математик, имеющий только один математический акт, никогда не поймет, зачем нужна икона. Эмпирический историк

наговорит о Христе только глупости (Ренан⁷⁰). Толстой из своего умственного тупика только и мог написать о причащении: «он съел своего бога» и т. д., и т. д. — Это все: *не тот акт. Это главное.* В этом источник бесчисленных ошибок, бесплодных блужданий, кризисов и т. д. *Надо переменить акт.* Не можешь? Или не хочешь? Тогда *не говори* вовсе о Предмете, *для коего у тебя нет акта.* Ибо не той рукой не туда тянешься; не то берешь; *того, что нужно,* не берешь, не видишь; а говорить о нем — хочешь. И вот клубятся недоразумения, глупости и пошлости (и у Толстого!).

Представьте себе огромный орган со множеством «дудок». Каждая душевная-духовная компонента (а их множество разных, исследованы они доселе плохо, полноты перечисления — никакой!) изображается одною «дудкой». Аккорд религиозный требует не того же сочетания дудок, как аккорд эмпирико-научный, иной аккорд геометрический, иной балетный, иной портретный, иной монархический, иной беллетристический (и опять: иной у Диккенса, иной у Бунина, иной у Лермонтова, иной у Шмелева), иной музыкально-композиторский (и опять иной у Римского, иной у Вагнера, иной у Мусоргского, иной у Бизе).

Вот придет глупец — выберет не те дудки — скажем, республиканские — и начнет монархистов лаять и вешать. Придет интеллектуалист — выберет не тот аккорд — и начнет верующих мучить и распинать.

Какие «дудки» у души? Отвечаю (напр<имер>): 1) чувственное наблюдение; 2) чувственное воображение; 3) отвлеченное несозерцающее мышление; 4) *нечувств<енное>* воображение; 5) созерцающее мышление; 6) инстинктивное побуждение; 7) инстинктивная воля; 8) фантазирующая воля; 9) совестная воля; 10) воображение эротическое; 11) воображение геометрическое; 12) воображение политическое; 13) любовь эротическая (по милу хорош); 14) любовь духовная (по хорошу мил); 15) любовь созерцающая; 16) любовь совестная; 17) активная эмоция; 18) пассивный аффект — и мн<огое> др.

Чем живет Виктор Алексеевич? Компонентами 1, 2, 3, 11, 13, может быть, *дозревая* до 14-й.

Что нужно для религиозного преодоления интеллектуализма? Аккорд из компонент 15, 16, 9, 4 и потом 14, 5. Во всяком случае, при всяком другом аккорде необходимо органическое преобладание 4 над 1, 5 над 3, 9 над 7, 14, 15, 16 над 13.

Так рассказанное — все это кажется *механической схемой.* Но вот Вы видели мой опыт в книге о Бунине, Ремизове и Шме-

леве (терпеть не могу этого сочетания имен, какая-то поколенчески-эпохальная селекция). Это не механика, а органика; не схема, а подслушанная тайна.

Кто ищет Бога, тот должен *влюбленно хотеть совершенства, созерцать из горящего сердца, жить совестью и подчинить* всему этому свое *нечувственное воображение*. Человек, тупикующий в конструктивном понимании, Бога не найдет. Бог не выдумывается, не выкомбинировывается, не гипотезируется в «бесконечности», не исчисляется — а *любится, любовью видится, совестью любовью осуществляется*. Все.

Милый друг! О другом пока не пишу. Затеваю сальто витале⁷¹. Сажусь за *третью* главу «Философии религии». Приветствую Ваше творческое мужество и преклоняюсь перед авторской строгостью. Молюсь об исцелении одного автора.

Нат<алия> Ник<олаевна> шлет привет! Я обнимаю. Когда прочтете это письмо, дайте какому-нибудь *верному* человеку переписать его на машинке (не говоря, кто писал) и пришлите мне копию (мне она понадобится в *материалы для «Введения в философию»*). За переписку *плачу* я.

В подкрепление этих мыслей посылаю Вам № 1 «Рус<ского> кол<окола>». — 20 лет тому назад — статью «О священном».

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<11.II.1947>

11 февр<аля>

Дорогой Иван Сергеевич!

Вчера вечером пришло Ваше письмо от 8 февр<аля>, трепетное, насыщенное, меня взволновавшее и сконфузившее. Спасибо. Эти слова из моего первого письма к Вам вошли потом в мою речь о Рус<ской> Культ<уре> («Перезвоны», № 22) и воспроизведены в «Трех речах о России» (отд<ельная> брошюра). Есть ли она у Вас? Могу прислать. Письмо помню не все. Но что цитируете — подтверждаю целиком (о Вас). Помню — не знал Вашего имени-отчества — начал так (после колебаний) «Дорогой!»⁷². И правда была — ибо Вы *сразу* стали мне близки и дороги.

Но теперь о делах.

«Говенье», конечно, пришло, и на днях уедет в С<ан->Франциско. Прелестная глава!.. Перл. — Радуюсь выходу предстоящему Ваших книг. Дай Бог, дай Бог! — Имею для Вас еще 7х50. Тот же источник (не Ш<арлотта> М<аксимилиановна>).

Дано на мое усмотрение; я и усматриваю. Безотчетно распоряжаюсь. Жертв с моей стороны никаких. Одна забота — нельзя переправить. Что ж — подам прошение Преподобному. *Salto vitale*. — Пишу «Философию религии» — в третьей главе. С 1919 г. начал ее писать. В Москве — зима лютая — дров нет — голодно, уж три раза увозили в чеку — и в трибунале судили «за подготовку вооруженного восстания». Вот и говорю Наталии Николаевне: «Дров на один день! перспектив никаких! оденусь, пойду на улицу — может, поймаю несколько полен...» «Нет, — говорит, — не ходи, куда ты пойдешь? На сегодня хватит. Ты хотел “Философию религии” начать — садись и пиши!» Я немного ошалел от такого спокойствия евангельского. Сел. Бумагу нарезал (в валенках, в драповом пальто и в шапке). «Философия религии», «Глава I»: «О субъективности религиозного опыта». И полилось — углубился — вдохновение пришло. Прошел час. Жили на 6 этаже. Лифт стоял. Водопровод замерз. Вдруг стук в дверь? Повелительно, окриком «кто там?!». Глухой голос: «Барин! примите дрова, ради Бога, замерз, отделаться бы!» — «Откуда?». Заиндевший мужичонка в тулупе, с кнутом. Усы сосульками. «Да из коператопа!» (*вчера* меня там *обезнадежили*). Если бы я ушел — принять было бы некому — свалил бы на двор — в $\frac{1}{4}$ часа все растаскали бы — «Птичка Божия не знает...»⁷³

С 1919 г. ношу в себе эту книгу. В 1920 г. читал как курс на истор<ико-> филол<огическом> факультете («Введение в историю религии»). С тех пор вел неск<олько> закрытых семинаров. Теперь окончательно пишу...

Получил покупкой «Темные аллеи»⁷⁴. Читаю вслух. Первый вечер рассказик «В Париже» — сошло. На второй «Барышня Клара» — конфуз. Не поворачивается язык эку мерзость вслух выговаривать. А мы *совсем не «prudes»*⁷⁵, видали виды! Тошнит об их. Грубо, детально, грязно, отвратно — без смысла; и с *огромными, чисто художественными* ошибками! Теперь вперед просматриваю; потом только начинаю вслух. В сущности, он всю жизнь писал (покончив с «антоновскими яблоками» и «пахнувшими мелкопоместными помещиками») о *преступлениях и прелюбодеяниях*, — сочетая часто то и другое. Теперь ему о преступлениях *рискованно* писать (советские на себя примут!⁷⁶); осталось второе. Лесков⁷⁷ где-то различает «блюд» и «приблюдияние». *Этому* хорошо и то и другое. Но вижу, что я в анализе его акта *не ошибся!* Таков и есть.

Нет, сардинки на этот раз *не* от меня! А Ш<арлотта> М<аксимилиановна> только что послала Вам детский пакет (не бла-

годарите, это ее стесняет и она послала от *моего* имени). Письмо Ваше переведу ей.

Доделывайте, дорогой, «Куликово поле». А как только захочется моих цветочков, потребуйте. Если требований не будет, буду гнать полсотни гвоздик на каждое первое число.

Четвертый день фё-ё-ён! Сердце ослабеваает — спазма в голове *му-чи-тель-ная!* Совсем как Ваша зона!⁷⁸ Слабость — идиотуешь весь день! И только за книгой — полет.

Не постигаю Вашего интереса к Булгакову. Не дай Бог никому так «уверовать», как он. Был резонер-выдумщик с Федоре-Карамаз<овским> уклоном, *таким и остался*. О Св. Троице печатал в «Вопр<осах> фил<осо-фии> и псих<ологии>», 1916, такое, что я еще в Москве на полях писал: «непристойные экзерсисы». *Стыдно* было читать! На исповеди женщин расспрашивал в Праге о таком, что моя родственница⁷⁹ ему ответила в негодовании; «Отец Сергей, я на *такие* вопросы отвечать не буду!». В Париже в 30-х годах написал *гнусную* книгу в защиту Иуды Предателя⁸⁰ (sic! sic! sic!). От отвращения я ее не дочитал. Все это волна *безответственной выдумки от неверия и религ<иозной> слепоты* — Розанов⁸¹ — Мережковский — В. Иванов (выкрест) — Булгаков — Бердяев. Все это — «рыба завоняла с головы», «большевизм» до большевизма, — Белый, Блок и Ремизов где-то у них в ногах шныряли. «Булгаковед» — «Бердяеволог» — «Ивановогност» — «Мережковскофилолог» — «Розановомикроскопист» — «Блокогистолог...» *Бедная, бедная моя Россия!*

И что *Вам* — это даст? Вы *уже давно вошли* туда, где из этих словоблудов никто и не бывал! Э-эх!

Ради Господа, *не* присылайте мне портрет — Флоренского — Булгакова кисти Нестерова. Видел я его у самого Михаила Васильевича и, стоя перед портретом, говорил ему о том *духовном гное*, который он ясновидчески увидел и передал. А у него (у Нестерова) — все лицо трепетало от *радостного ликования* — ибо я говорил *верно*. Потом он мне рассказал: «Был у меня на днях отец Флоренский. Долго смотрел портрет. Когда он уходил, я ему говорю: “Эх, отец Павел, я бы Вас еще нарисовал бы в духе Розанова паном с дудочкой”. “Нет, — ответил тот *мрачно*, — довольно уж!”» —

Все эти люди — не умеющие отличить *духа* от *пола*, *молитвы* от *оргазма*, *вдохновения* от *соблазна*, *созерцания* от *выдумки*, *ответственности* от *коккетства*. По-мелом их! Брандспойтом! Дезинфекция, дезинсекция, дератизация!

Что — они — Вам?! «Э, дяденька», сказал мне один опытный грибоискатель, «что же Вы поганок-то набрали?» —

Обнимаю!

11 февр<аля> 1947 <г.>

Ваш И. А. Ильин.

И. С. Шмелев — И. А. Ильину
<30.III.1947>

30.3.47 8-30 в<е>ч.

Только вернулся с чтения — через 5 мин. — Зеелер⁸²,

Срочно! С масл<яничной> веткой!

Своб<одное> Слово!

«Слава Тебе, показавшему нам Свет!»⁸³

Дорогой Иван Александрович.

«Русская мысль»! — первая свободная русская газета — в Париже! № 1-й, Пасхальный, поступит в продажу в Св. Заутреню. 1-й тираж — 7 т<ысяч>! Деньги — русские! Редактор — русский — В<ладимир> Феофилов<ич> Зеелер. Даю для 1 № — «Поднятие икон» — из ром<ана> (м<ожет> б<ыть>, пойдет фельет<она>ми весь роман (II ч.)). Сотрудники — писатели — орг<анизаторы>, Зайцев...⁸⁴ — молю: И. А. Ильин. Карташев, Зеньковский, Нольде⁸⁵, Маклаков — (нужно!) — по нын<ешней> ориентации — вне сомнений, верьте. Ориент<ация> церковная — Православная, непримиримая. Поддержите! Прошу! Дайте — о Воскрес<ении> России — ну, что хотите, размер — газетный, стр<ок> 200—250. Или — хоть 100. Вы — сила, сталь, свет. Вы знаете, как алчут и жаждут и чего! Ведь мы все эти годы были без Слова. Сов<етчики>-подвывалы окармливали, лгали и лгут. Поддержите! Дайте un coup d'epaule⁸⁶.

Ответьте, можно ли послать Вашу книжечку в 10 абонементов для подписки. Пороху мож<ет> хватить пока на 3—4 мес<яца>. Размер в 8 страничек. Ваше Имя важно! О гонорарах пока нет речи. Они — бу-дут. Сейчас надо ударить! И — ударим. Стекаются «объявления», что оч<ень> важно. Важны — подписчики. Есть же в Шв<ей>ц<а>р<ии> русск<ие> люди?!..

Дорогой, я горю... Сейчас только привезен с чтения в Asnières. Прошло — захватно. Полон зал. Церковь собрала св<ыше> 2 милл<ионов> фр<анков>! Русские люди — творят! и чудеса. Но — все — Господь!

Молю: пришлите к 1-му № — срочно. Надо — *не* поздней полудня-вечера четверга (3.4) (сего) (6 дн<ей> для типографии, с запасцем). Не удастся для 1-го (не успеете выслать) — пойдет во 2-м, но лучше в 1-м. Надо *ударить*. Надо раздавить *сводень!* Помогите. Бог осияет Вас. Дайте хоть... 30 стр<о>к! Но дайте!.. Вы знаете — *что*. Газета не будет «боевой»... — *нападающей*... — она будет созидающей, ранящей. Ее основа: Вера, Россия, ее дух<овная> мощь, ее *дух*. Поверьте. Спешу опустить, бегу на почту. Свет уже в *заре!*..

Родной, отзовитесь! Чудесный!..

Ваш — обрадованный, во имя Господа —

Ив. Шмелев.

<Приписка:> Гады — воображаю! — шипятствуя-ат! Ох, подрежем лапы! С нами Бог.

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<до 6.IV.1947>

Дорогой Иван Сергеевич!

Письмо Ваше прочел. Спасибо! Все взвесил. И отвечаю *категорическим отказом* в сотрудничестве.

Русское дело — *русское и православное* — нуждается в *чистых* именах — Карташев, Шмелев, Трубецкой, Сикорский⁸⁷, — но не в *темных* именах Маклакова, Нольде, Зайцева и т. д. То, что эти последние наделали за последние два года *против России и Церкви* и на всю эмиграцию — было *так выгодно дьяволу и так вредно России*, что попытка их *перебежать назад из перебежчиков* есть попытка *размазать их политический блуд* по нашим лицам!

Больно думать, что Шмелев подставляет им для этого и свой лик!! Увидев это, во всей *честной* эмиграции *все* подумают, что Шмелев и другие *поколебались* и *полуприняли советчину*. Как это ужасно! Какое *распространение смуты!* Да еще «Русская мысль» — какие преемники Петра Струве, подумаешь!

О, эмоциональный вулкан! Не верь эмоциям, пред тобою симулируемым! Не зажигай свою свечу и лампаду о чертову спичку! Не давай свой лик на поругание!

Итак: *нет*. Но в порядке *информации* препровождаю Вам подписку на *1 месяц*, но на столько экземпляров, сколько выйдет из оной суммы, — *все по моему личному адресу*. Распрост-

ранять же подписку на маклаковскую газету — помилуйте, это совершенно невозможно!!

Да и что за метод привлечения «моей особы»?

В 1898 г. (мне было 15 лет) одна гимназисточка-хохлушка в Москве писала моему брату (хохлацкий распев!). «Саша! Вечеринька будет 3 февраля. Пожалуйста же, приходите пораньше и приводите же ваших товарищей. Таньцы начнутся в восемь часов».

Я Шмелю — друг. А не просто «товарищ». Но серьезная и зрелая редакция не дает таких поручений. Времени было *достаточно*, чтобы списаться. Однако — *прячутся за Шмелева*. И если бы я и вправду — втемную, вслепую, без редакционных программ, приглашений и обязательств — послал бы что... Ведь сам же себя потом засмею. Я не маленький.

Был гимназист Бем, весом 6 пуд<ов>. Ходил в большую перемену и, *сзев свое*, приставал: «Маклаков! Угости-и-и! Зеелер! Угости-и-и!» — и все слопаёт.

Так нет. Помолчу!

А то у Леонида Андреева один сзади бежал и кричал:

«И я, братцы, и я, и я!» Боялся опоздать...

Так нет. Опоздаю *охотно*.

И Вам советую, дорогой Вулкан Сергеевич: умерьте Вашу эрупцию!⁸⁸ Эмоции застыт взор. И портят очевидность. Пришел к Вам новый Виген сумбурпашайничать — не верьте словам! Главного Вам не договаривают!

Ради Бога, будьте осторожны! С блохами встанете! Мы по нынешнему времени *не имеем права политически наивничать!* Нас немного! За нами начинается серая масса обывателя и со-*ветской* полуинтеллигенции.

Макл<аков> «нужен»... *Кому!! Зачем!!*

Ни России, ни Церкви он *не* нужен. Вижу всю игру насквозь: *выправляют крен по Америке*... Садятся в новое седло. Да я им не стремянной. И Вы им не конюх и не доезжачий!

Вспомните Ваш анекдот: «Мамашенька! Вздуй огня!»... *Не вздувайте!* «Они рожу заговня...». Пусть и отмывают ее честно, *всенародным покаянием*, а не размывая ею по нашим *идеям*.

Слышите: *идеям!!*

Я моих им не дам. Они у меня не торопятся, долгого дыхания!

А подписочку на 1 месяц — пришлю. Обнимаю и молю о сокращении эмоций! <Приписка 2 раза на первой и последней странице:> очень жду о Карташеве.

И. С. Шмелев — И. А. Ильину
<6.IV.1947>

6.4.<19>47. 7 в<е>ч., в постели.

Письмо Ваше, дорогой Иван Александрович, очень огорчило меня, — отказ-то Ваш. Да и поспешность моя тут повинна: очень обрадовался и был «в нервах», после публич<ного> чтения. Все случилось *вдруг*. (Вот и заболел.) Много тормозов было... — и потому, *загодя*, не списывались с Вами, — было все в неустойчивости. Узнав от Зеелера, экстр<енно> приехавшего ко мне, я, я... — предложил оповестить Вас и *просить* В<аше-го> содействия. Я думал о моем посредничестве, что оно, во всяк<ом> случае, не может Вас обидеть: я *не случайный, со стороны*, человек... — и я, с чистой душой, обратился к вам, *спешно*, хотелось мне, чтобы 1-й № был веский. Это обращение, *через меня*, — *ввиду экстренности!* (Зеел<ер> плакал у меня, от радости и взволнованности) — одна из причин В<аше-го> отказа. Другая: подозрительность, что газета буд<ет> «загрязнена»... *Моя* обмолвка о Макл<акове> — тут причиной. Ошибочная обмолвка... (к<а>к она проскочила?!) Макл<аков>, конечно, не буд<ет> сотруди<нать>. Я *не* дописал Вам: говорилось об его «интервью», только. О (да М<аклаков> и хитер, «выжидатель», да и «положительный» Нольдэ) — о его недоброкачеств<енности>. Я не знаю, вспомнилось, что Зеел<ер> говорил о нем как о знающем иностр<анные> дела. Зайцев Борис — *ничем и никак себя не замарал*. Почему Вы о нем — так? Если он меня *приглашал читать о Москве* от им<ени> О<бщест>ва (какого-то), где предс<едатель> Мак<овс>кий С<ергей>⁸⁹, — это я объясняю просьбой к нему М<аковско>го... — они еще с Москвы знакомы. З<айце>в — соверш<енно> *ясен* и недвусмысл<ен> в отнош<ении> к б<ольшевиз>му. Уж он-то в В<ашем> отказе совс<ем> ни при чем.

Повторю: виноват я, через мою спешку. Не успел *всего* толком написать. Простите. Живи Вы здесь — Вы острее бы чувствовали, что такое — *своя* газета! *Как* ждут ее!!! Вы хоть америк<анско>-русские получаете, а здесь — разве единицы — дорого! (В «советских» — паника! Некто — «рвет и мечет». Видите?)

А главного *не* написал — *не знаю*. Газету «подпирает» (этим, и только этим, м<ожно> объяснить, что *дали* разрешение — *единой* из б<олее> 200 добивавшихся (фр<анцузских> и разноплеменных!) «La Confederation Francaise des travailleurs cretiens» (СЖТХ)⁹⁰ — антикомм<унистическая> *сильная организация*. Генер<альный> секр<етарь> которой (adjoint⁹¹) Jean

Brodier — явл<ается> «*ответств<енным>*» редактором «Русской мысли». Оч<ень> сочувств<енно> относ<ятся> и *католики правосл<авного> обряда*. Надо знать **воздух** соврем<енной> Фр<анции> — здесь оч<ень> напряж<енное> положение. Так<ак> ч<то> «Р<усская> м<ысль>» выходит к<ак> б<удто> *под титулом* этой *Рабоче-христ<ианской>* организации.

Вышутили Вы и мою горячку, и мою радость, и мою опрометчивость... — Ваша воля, конечно. Но «чертовой спички» я не вижу. Впрочем — «по плодам их узнаете их». Никто за меня не «прятался». Вам было бы в свое время написано от редакции, а тут — спешно, материал д<олжен> б<ыть> в типографии за неделю до выпуска газеты. К<ак> раз разрешили 29-го, в субботу! И Зеелер приехал ко мне (он — фактич<еский> редактор) поделиться радостью и просить содействия. Я *сам* сказал: «Буду просить И. А. И<льи>на!» И — просил. И — получил по шапке.

И... мне — больно. Я — чист. И *все* тут — **чисто**. Оплешность, спешку свою — признал.

Я болен, не выхожу, тяжк<ий> бронхит. *Лежу один...* Написал Карт<аше>ву — ответа нет. Слышал, он (был?) болен. Будь я здоров — поехал бы сам. Как получу от него ответ — напишу. Вашего п<ись>ма *не* посылал... Возможно, что и пропадают.

Будьте здоровы. «Avion» получ<ил>. Благодарю.

Ваш Ив. Шмелев.

«Кул<иково> поле» (оно взяло посл<едние> силы!) завершил окончат<ельно> (5-й список!). Тяжко болеть, — **один!** — И не поговеею... на груди — кирпичи, ду-шит!... И так все горько!

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<2.VIII.1947>

2 августа 1947 г.

Дорогой друг!

Простите мне спешность и краткость ответа. Я *очень* замучен срочной напряженной работой, 34—38° в тени и фёном.

Спасибо за рукописи. Все 3 получил. О Вашем вопросе.

Мировая мерзость качественно нестерпима. Острое осознание этого мучительно, но его *нельзя истолковывать* в смысле *ближних сроков* «лопнутия» нарыва. В Советии голод, неуправка по всем линиям, и транспорт, и нефть, и все *небоеспособно*. Русская армия могла бы сделать небольшие диверсии (персидскую, австрийскую, греческую); но советы *знают*, что это развязало

бы третью мировую, что USA располагает *страшным* атомным оружием; а сибирская *интернациональная* армия (вышкоченный немцами комсброд отовсюду) далеко не готова; не готова и военная промышленность, не готовы и подземные города (Кузнецкого бассейна). *Нервная война* будет продолжаться и обостряться; мировая *не* назрела. Пятилетка готовности намечена на 1950 <г.>, и они с ней *не* справляются. Поэтому — не поддавайтесь тревожным слухам. И *не* связывайте свой эв<ристический> переезд в USA с ними. Переезд да будет не бегством, но спокойной мерой.

Теперь: *кто* звал Вас? Вы мне этого *не* сообщили. Это важно. Я бы на Вашем месте *принял* бы зов на след<ующих> условиях.

1. Affidavit⁹² и деньги на переезд (лучше по *воздуху* — это 315 долларов Париж—Нью-Йорк) добывают *приглашатели*.

2. Поселение поблизости от монастыря.

3. Жизнь на *гонорары* и *меценатии*; и на сотрудничество в наш<еском> журнале.

4. От меценат *не* отказываться, при условии, что жить *не* у мецената и что меценские деньги будут вноситься *Виталию*⁹³.

5. Приглашатели должны быть серьезные: Епископ Серафим⁹⁴ (быв<ший> прикарпатский архимандрит), арх. Виталий. Если пишет Никон (Рклицкий), то относиться с *крайней* осторожностью!

6. Париж слишком много отглаживает у Вас на *нервы*, *квартиру*, *продовольствие*, *валюту* etc.

7. Ольга Александровна (истинная, единая) *последует за Вами*.

8. Там *не* селиться в городе, но поблизости пригородного монастыря.

9. Почитатели и друзья будут у Вас и там.

10. А нас с Вами Атлант<ический> океан *не* разлучит.

Простите краткость. Еле сажу, еле пишу. Обнимаю; и шлю Вам пуд спокойствия и пуд дружбы.

Ваш И. А. И.

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<23.IX.1947>

23 IX 1947

Дорогой Иван Сергеевич!

Или сам «спермин-пёл», или же его *химически адекватный* заместитель *вылетают* сегодня из Цюриха *авионом* по Вашему

адресу. Мы не дома, мы на каникулах, но Ш<арлотта> М<аксимилиановна> все необходимое немедленно сделала.

Все еще не могу написать Вам как следует. В канун августа я заболел от чрезмерной и спешной двухмесячной работы и с тех пор еще не оправился. Работоспособность малая, душевная угнетенность, всевозможные нервные боли.

Очень пожалел о Вашем некрологе Деникину⁹⁵. Храбрый и честный патриот, он

1) решительно несостоятелен был как правитель;

2) был чрезвычайно *личным* и *лично мстительным* человеком, не останавливавшимся перед *наветом* и даже *клеветой* (его *четвертый* том⁹⁶ возмутителен по отн<ошению> к Краснову, его *пятый* том *безобразен* в отн<ошении> к Врангелю; я тогда же просил у Врангеля *разрешения* ответить Деникину *вместо* него, как человек сторонний и ответственный, тем более, что Деникин в I томе называет меня в числе пионеров белого движения; Врангель *не* позволил: «Мы, белые, не смеем бороться друг с другом; судить меня с Деникиным будет Господь и будет история»; с тех пор Деникин *постоянно клеветал на врангелевцев* и еще недавно по прибытии в USA возмутил всех нареканиями на ген. А. А. фон Лампе, будто тот работал с Хитлером, — такая же клевета, какую возводили в Париже на Вас!!);

3) Деникин фактически *бросил* в 1919 свою разлагающуюся армию и спасся один на англ<ийском> судне.

Никаких оснований возводить его в святые — безгрешные — Александры Невские *нет*. И Ваш восторг поверг меня в глубокое удручение, о чем *не смею* Вам не сказать.

Как только почувствую себя сколько-ниб<удь> лучше, буду Вам писать.

А пока дружески обнимаю и желаю и надеюсь помощи Вам от лекарства.

Ваш И.

Спасибо за гречку! Дошла! Но она *Вам*, дорогой мой, *нужнее*.

И. С. Шмелев — И. А. Ильину
<25.IX.1947>

25.9.47

Дорогой Иван Александрович, — слава Богу! Вчера послал В<ам> п<исьмо> — тревогу, предельную!!! — а сейчас, 10 ут<ра> — от Вас, хоть и мало О Вас. К главному из п<и-

сь>ма... «Дэ мортиус аут бене, аут нигил...»⁹⁷ — Я соблюл первое; было «бенэ»... и для сего я должен был считаться с повелительным требованием во мне: перед врагами и клеветниками — а их тьма тем! — не мог и намекать на «пятна», которые **есть**... Я исходил из того доброго, что было и есть в русском солдате... и закрыл глаза на большие недостатки. Не мог иначе, а неправды, поверьте, сознательной и приукрашающей, не **слышу** в «памятке». **Надо** было крепить **наш** дух. Я пробовал уклоняться, и не дал — «да» просившим у меня — «сказать о...» — от Бел<ой> арм<ии>, — но опять-таки совесть стала меня томить — ты **должен!** — и я заставил себя... Вы, уверен, имеете основания думать так о Д<еникине>, как пишете, и о Вр<ангеле> тоже. Я преклоняюсь перед чистотой и доблестью Врангеля! В наше жестокое и грязное время — а когда, вообще, «время» бывало **не жестоким и не грязным?! — но ныне** все предельно или — **без предельно!** — надо быть очень осторожным в «споре славян»... — это дело будущего, — а в **ныне** — сомкнись! — это повелевает. Грех Д<еникина> в отн<ошении> Вр<ангеля> — на его душе. «Личное» — всегда и во всем, у всех... и часто является мотором важным, часто и вредит — в русском деле оно и навредило! — но я исходил из **лучшего** возможного, и оно было. «Победителей не судят»..., — и войди Д<еникин> в Москву... — **все** было бы похерено в громе и пламени **славы**. Не было суждено... А я чуял, что мои слова могут как-то поранить Вас. Да, да... но и это меня не остановило. Я знаю: эта «памятка» будила доброе во многих душах... и — видит Бог! — я не корю себя...

А за «царапинки», кот<орые> могла оставить статья, — великодушно и благостно простите раба Ивана... Не толконите, если в ст<атье>⁹⁸ — 1147—1947 — усмотрите недостатки, они есть и вызваны грудой матерьяла... я отмахивался от этой статьи... но **нечто** повелевающее разрешило мои колебания. Опять «сгущено», б<ыть> м<ожет>, но так важно **отметить**.

А **все** уклонились под разными оправданиями... Я не смел уклониться. И не смел не привести вдохновенные строки Ваши... — простите за дерзание... но если Вам покажется, что я не смел привести из сокровищницы Вашего духа... — уведоьте... и я, с **болью** — опущу... С болью: так эти слова связаны с духом статьи!

Лечусь... Не могу здесь закончить «Путь», надо покоя... надо безоглядности... здесь их для меня нет. Надо отдалиться, надо уйти под церковные стены, к Обители. Дальнейшее — в романе — **все** (содержанье-то!) под колоколами... нужен **воздух**... и

вот, на краю стоя (сидя на санях), пускаться в плавание!.. Молю Господа — укрепить... а пока все еще не решил... Чуется мне, что... **близится...** Что?! М<ожет> б<ыть>, все спасение — м<ожет> б<ыть>, и полное крушение... — ?! Страшусь... немею... жду... Соизволит Бог — не отмахнусь... и жду, чтобы **само** как-то опредметилось. А пока вбираю — и к<а>к медленно! — «права»-бумажки... Ведь в **пустоту** рвусь, м<ожет> б<ыть>, где никаких родных пока не вижу... Но обрету...? Много там у меня читателей... поддержат...? Каждый день убеждает: **всюду люди...** И — м<ожет> б<ыть>... — все Мож<ет> Быть!!? — найду заводь для тихой и последней моей работы. Дай, Господи!..

Раньше весны вряд ли двинусь... если буду здоров.

Напишите со всей откровенностью Ваше слово о газете: *какие недостатки?* укажите, что и как надо. Есть недостатки... но есть много и укрепляющего. Обилие писем в Ред<акцию> — поддерживает. И видим, как нужна даже такая куцая, такая «любительская» газета. Самое показательное: тираж «Р<усских> нов<остей>» катастро<офически> упал. За летн<ие> месяцы «тишины», когда наш тираж упал на 100 экз. — «Русские — ?! — нов<ости>» потеряли свыше 800!!! Одобряют, что в «Р<усской> м<ысли>» нет «крика», плевков и проч. Так пишут почти все... Газета влачится, но, начав — к<а>к теперь выяснилось, *без гроша*, — !!! — вышла в 23 №№ — затратив свыше миллиона!.. Читатель дал. А к<а>к расплачивается — судите сами: за эти почти полгода за 12—15 статей я получил... 4 тыс. фр<анков>!

За лекарство о-чень благодарю Вас, передайте Ш<арлотте> М<аксимилиановне> — оч<ень> тронут ее всегдашней готовностью помочь!

Ваш труд — и ка-кой! — «О тьме и просветлении» — великий свет. Не снилось русской критике такое глубокое и такое художественное творческое исследование! Это же для многих-многих — откровение. Неужели будет под спудом?!.. неужели не найдется «меценатика»?.. Стыдно держать такое в укрытии. И<ван> А<лександрович>! — да **надо** же выпустить!.. что стоит хотя бы «Кул<аевскому> фонду»!.. Ну, барыша не возьмет... да ведь ско-лько вложит!.. — в душу-то! ведь это же — **свет!**.. Вот, видит Бог, говорю не потому, что Ш<мелев> дан так отмеченно... поверьте!

Гречки еще пришлю — хва-тит!

Присоветуйте, **чему** бы посвятить особый № «Р<усской> м<ысли>». Надо воспитывать молодежь. Ознакомьтесь с «мос-

ковским» № — и скажите. Надо, чтобы газета оправдывала свое именование — «Р<усская> м<ысль>»! Я сознательно не впустил в свою статью никаких «крючков», «зацепок»... — дабы был вес. А сколько поводов и сколько матерьяла!.. насилу выбрался из-под груди. О сем надо б<удет> исследование писать... И еще о смешивании России — «Москвы» с «правителями»! Весь мир сознательно мешает все в одну свалку, и когда читаешь — «Москва» то-то и то-то... — по сердцу режет. Далась им Москва! И это исстари: московитяне и московиты... Захватана «Москва»...

Отыскал гениальную... карикатуристку... мою чит<ательни>цу... в Холливуде. Если бы взялась она иллюстрировать «Конька-горбунка»!.. — загрелась бы. Будь я Ч. Диккенсом, поручил бы ей своего «Пикквика»!.. Какое обилие дарований в русских людях!.. Я Вам пришлю ее ранние работы, из харб<инских> журналов, — посудите сами! — потешитесь, уверен. Только верните мне. А Ваш глазок не упустит ни-чего! какие там зверушки!.. какая сила движений! — **все живет**. Какая рисовальщица!.. не знаю, какова она в акварелях. Мечтаю издать «Мэри» или «Марса» — с ее илл<юстрациями>. Если бы она дала «Кон<ька>-гор<бунка>» — даже без текста... — вот и деньги, и слава. Америка любит юмор, и я дивлюсь, как до с<их> п<ор> ее не пустили в работу... хотя не раз обкрадывали — не амер<икан>цы, а — свои. Все ее «картинки» на русской выставке> были проданы, а деньги украли. И еще один еврей мексик<анский> заказал две картинки, а расплатился чеком, кот<орый> нигде не принимают!..

Сейчас ей заказана картинка — м<ожет> б<ыть>, и плакат рекламный — и заплатят 150 д<о>л<ларов>. Работает, как рисо<вальщи>ца в одной из студий. Страшно талантлива, и — прелестна. Беглянка из Харб<ина>, перелетела с семьей редактора «Рубежа»⁹⁹, харб<инского> журнала, в Калиф<орнию> перед войной, в 41 г., поработала и на фабр<ике>, и в семье миллионеров америк<анских>... — подружилась с Мэри Пикфорд¹⁰⁰, но... **как русская**, никак не использовала... но, главное, оч<ень> умна! сама мне написала... это — карикатуристката! — «с трепетом», давно хотела и, вот, «расхрабилась»: «Лето Госп<одне>» и «Богомолье» — т<а>к и пишет — «мои настольные кн<иги>» — «каждый день читаю две-три главки»! Прислала мне свэттер и — кой-чего, от своих, конечно, грошей. Ах, милый, каждый день открывает мне новых друзей-читателей — и в Ам<ерике>! — повсюду.

В Ам<ерике> я хотел бы прочесть — своим и чужим... — обучился бы англ<ийскому> произношению, а по-франц<узски> смогу легко. Перевели бы мне, и я — поставил бы над «i» много точек! В Аляску смотался бы... повидал бы национ<альный> парк «Юсимити»¹⁰¹, — ну и «сэквайи» там, автомоб<или> проезжают сквозь дупло! медведи косолапят на воле... зайцы куролесят на лужках, птицы по головам скачут... какие водопады!.. эх, поглядел бы...!

Смерти и смерти... — все подбираются... а там¹⁰² и смерть забастовала. Не берет главных! В заговоре? устрашена и смерть?.. Во-как.

Напишите о себе, о планах... о работах. Писали о «движении воды»... затребовали рукописи... Скажите прямо, что... улучшились ли «Пути» в нов<ой> редакции? Знаю: много недостатков... и не удастся мне «опыт духовного романа»... хоть чуть коснуться... и надо как-то завершать... Идет коррект<ура> «Лета Г<осподня>». Выйдет книга в ноябре... 3 части: I — Праздники. II — Праздники — Радости. III — Дни скорби, — посл<едние> 9 глав. Так что Ваше замечание принято к исполнению, — отделил все же.

Еп. Серафим нашел уже нечто для меня; двое твердо (!?) обещали: один — 200 д<о>л<ла>р<ов> — 100 д<о>л<ларов> — «на перелет». Обещают как-то устроить. Нне знаю... на неопределенное не поеду. Обещ<ают> даже купить готов<ый> домик в 2 комн<аты> — «кабинку» со вс<ем> комф<ортом>, — «поставите, где хотите, и живите себе бл<из> обители!» У них ферма, до 70 к<о>ров. Даю в «Пр<а>в<ославную> Русь», — конечно, gratis¹⁰³. Журн<ал> растет!!! Он дает-таки порой оч<ень> интер<есно>! Обнимаю обоих. Привет Mrs. Ch. Var<eiss>.

Ваш Уповающий Жан.

<Приписка:> Напишите, к<а>к работа над «Фил<ософией> рел<игии>». И есть ли возм<ожность> нов<ых> изданий? Выгребаясь из подавленности, но — пока почес продолж<ается>, м<ожет> б<ыть>, и уймется... 18-й месяц!

<Приписка:> Вы писали, что В<аши> голов<ные> боли кончились... теперь пишете — нерв<ные> боли! — в чем же дело? К<а>к надоело лечиться! Не ем ни мяса, ни яичка... — это плевать. Лишь бы — писалось!

Узнал о нов<ом> замеч<ательном> средстве от «язвы»... боли! — придется пробовать. Нем<ецкое> открытие!..

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<30.X.1947>

30 октября 1947 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Письма Ваши дошли, спасибо! Не сразу послал Вам рукописи: переживая возможную забастовку в Вашей стране. «Рождество» пошло 20 окт<ября>, «Пути» II том — 25 окт<ября>. Заказными. Очень надеюсь, что теперь все дошло...

Пишу мало потому, что работаю много. А на то и на другое — не хватает. Я еще не оправился совсем от двух крахов — переутомления (конец августа) и гриппа (конец сентября — ...и поныне). Очень большая утомляемость + фённые мигрени (это высшая степень скудоглавия, психически депримирующая...¹⁰⁴). А между тем — продолжаю писать — презирая все — в несколько струй...

О «Путях» в переработке — не сужу. Чужая художественная лаборатория невторжима. *Ваша* — в особенности. Вижу, что Вы со своим детищем делаете, *чего* Вы от себя требуете, — и жду окончательного. Скажу только одно: чем больше героиня *покажется* в своих чувствах, словах и делах и чем меньше она *восхваляется*, чем меньше она *восторгает окружающих*, — тем она убедительнее. Ибо *восторг* ее зрителей, рассказанный в романе, *освобождает читателя от восторга, антиципирует*¹⁰⁵ его оценку и испытывается им как навязываемое автором преклонение. Минеи Четы¹⁰⁶ — пантеон праведности — но *не* художественный, а педагогический пантеон — в этом их слабая сторона.

О рисовальщице. У нее есть некое чувство комического и некая даровитость в беспомощном (с точки зрения рисовательской) рисунке. Но *темы*, беспокоящие ее рисовательскую потребность, до такой степени *постылы, пошлы и художественно беспредметны*, что рисунки ее вызывают в душе что-то вроде духовной оскомины. Не скрою: смотрел их с чувством протеста и даже отвращения. А между тем — художник начинается не в линиях и красках, а в *теме*: скажи, какой предмет зовет тебя — а я скажу тебе, что из тебя *может* выйти. Помните в «Возрождении» стихи Горянского?¹⁰⁷ Вот был бич Божий — почитаешь — и разлюбляешь поэзию... А стихотворный дар — был. Стихотворный — да не поэтический и не духовный; а потому и не художественный. Он стихами чесался; а этим *не* чешутся!

Завидую Вам: Вы видите и презираете многое за этим хаосом смятенных народов, ожесточенных душ и злодейских затей. А я захлебываюсь — от отвращения, от чувства собственного бессилия, от отчаяния.

Газета («Р<усская> м<ысль>»). Чего им не хватает? *Все-го!* Идеи, национальных и религиозных корней, чисто газетного замысла, чувства вкуса, чувства ранга, гражданского мужества, субстанциальной *русскости*. Словом — всего! Какая-то «паштильная паштина», в которой шевелятся несколько «паштильных ведмедёв». *Бездарны. Тайные католики.* Между прочим, им потому и Шмелев приемлем лишь в малых дозах — а то опекающий их редакцию иезуит будет недоволен. Им масонский душок приятнее русско-православного. Фальшивая компания. Люди *без окончательного Да и Нет*. И большевиков-то как-то больше из-за угла за пятку покусывают. Куснет — и спрячется; и опять выглядывает.

Вообще эпоха такая — после 1945. *Писатель молчит, а читатель пишет.* Но читатель «своих» не имеет; он вечный «столовщик» в чужих кухмистерских. Писатель есть *мыслитель*; а читатель — «критик» чужого, без своего. И вдруг читатель вылез и начал...

Вы видите писания «нац-мальчиков»? Журналы «*Посев*»¹⁰⁸, «*Слушай*»¹⁰⁹? Вы читали *Доктора Левицкого*¹¹⁰ о «солидаризме»? Знаете — бывает: тошнит — а желудок пуст. И выходит человек (pardon!) — в *пустоблюю*.

Страшно сочувствую Вашему *полету* в страну Виталиаду¹¹¹. И если домик строят — *берите!*

Но во что *не верю* — это в водворение хаоса в Вашей теперешней стране.

На том многоточие. И точка.

По-советски: «ну — всего! и пока!»

Обнимаю. Мучаюсь и работаю.

Ваш И.

А. В. Карташева «Ветхозаветная библи<ейская> критика» — читал и *очень оценил*. В «разнос» этой книги не верю. В компетентности «разносящих» сомневаюсь. Но сие не для письма, а для *долгой и научно обставленной беседы*.

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<29.I.1948>

29.I.1948

Дорогой мой!

Только что получил Ваше письмо. *Всему* поверил и возгордился-возмордился, стал горд, как сто морд и одна рожа (на кого похожа, *туда же, тожа!*)¹¹².

Посылаю нимало не медля «Соц<иалистический> в<естник>» за сент<ябрь>, окт<ябрь>, ноябрь, дек<абрь>. Не читайте *всего*, не стоит, но подчеркнутое красным — *очень* стоит. Еще посылаю «Патриаршее» послание (поучительно и паучительно, от паука). Чем скорее вернете (два дня?!), тем лучше. С часу на час жду из Парижа — другой журнал. Тогда вышлю.

«Русская мысль», конечно, малосильна... Но *совсем не в этом дело*. Я не верю редакторам, не верю в подлинную русскость, не верю в их духовный хребет, в их импондера-бельно¹¹³, но метафизически сущую честь, совесть, благородство; не верю и в их конспиративную корректность. Петр Берн<гардович> был скалою личной корректности. Он меня ценил (ораторски-политически, не философски, *этого* он не видел и не понимал), и хотя он меня *никогда не любил*, но вызывал во мне редакторски-политически-нравственное доверие. А эта рухлядь... чем еще кончит? где сидит? и какой им (кроме католического!) еще суппозиторий¹¹⁴ снизу поставлен?! А где я не верю — там и яиц не кладу... Вот где гвоздь, вот где закавыка...

Обнимаю.

Ваш некто лежачий, именуемый Иоанн.

P.S. Решил проверить Вашу, столь для меня драгоценную, любознательность: как возникают такие «индивдуи».

Нам рассказывала кормилица младшего брата (прошу не шокироваться, это эпическая простота!):

«Жили-были дед да баба, а детёв у них не было. Думали, думали, как быть? Вот она и придумала. Взяла котелок кухонный — то ён туды поссыть, то яна туды поссыть, то ён, то яна, ну накрыли сковородкой, на загнетку и поставили. Утричком просыпаются, а там чегой-то постукивать. Сняли сковородку — ан сидит в котелке мальчик-с-пальчик, сам с собой разговаривает и ручонками разводит». Вот и все.

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<5.II.1948>

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Получил письмо от гулливого Шмеля. Не понимаю я его!.. Он все вываливается из Богу-внемлющего акта. Каждый данный миг в руке Его: из Вавилона увел, в тихую пристань ввел,

укрепляться велит. Да разве Вы после таких лет и с таким истощением за море доехали бы?!¹¹⁵ Перст!! Вы не имеете никаких оснований ропотливо гудеть и не доверять. *Милость* над Вами! Притулил Вас Ангел Хранитель — и *слушайте тишину*, в ней мудрость несказанная... А почему другие мучаются? *Так Бога не допрашивают!* «Покажи мне Свою пятидесятилетку-столетку, я желаю ее подвергнуть само-критике?» *Иначе* должен звучать наш вопрос. Исходный пункт у *Гоголя* высказан: «Поверьте, что Бог не даром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит»¹¹⁶. С этого всегда начинаю. Знаю; *недаром*, помощи, Господи! А если трудно, не управляюсь, — *еще* помощи!

Русский народ учится *самостоянию*. И научится! Мукою. Да. И *я* с ним 30 лет в муке. А почему *не* в *физической*? Потому что — в *духовной*! Эту духовную надо превратить в *его науку*. Ибо я есмь *орган* русского народа, его *пульс*, его *слово*, его *вопл*, его *драка*, раздаватель от его лица «русс-лановых» пощечин. Но главное: *его* национальный философ

Настанет час силы и славы,
И Господь изречет приговор,
И лишится власти лукавой
Безбожник, предатель и вор.
А это рыхлое племя,
Изведав позор и печаль,
Закалится на вечное время
И станет как крепкая сталь.

Меня *одно* тревожит: *уроки* Божии столь глубоки и грандиозны; задыхаюсь, не выскажу никак всего; вижу сто, успеваю сказать двадцать семь. А помощников и сотрудников *нету*. Вот, № 2 *давно* надо на *все* языки и *вверх*. Но люди малы, мелки, не видят, ленятся, завистничают, а *меня на все не хватает!* *Слег* — так и на завалившегося еще наваливают, кто что может... А помощи *нет*. Как справлюсь? Не выгребу!!

Гудливость Шмеля — еще и еще отношу к *голодным нервам*; отсюда и желудок, и зуд. Надо Вам «*Протовит*» — *все* витамины. Надо совет *умного* врача. И не думать ни о визе, ни о Париже, ни о *монетах*. Все, что нужно, пододвинется!

Неужели Вы не чувствуете своей Бого-хранимости?!? Неужели Вы только «куируетесь» (от Coué¹¹⁷) на веру в Бога? Неужели «Виктор Алексеевич»¹¹⁸ не преодолен?!

Слушайте *тишину*! На *то* Вам дан Monsieur Rich... Она Вас *приготавливает* к дальнейшему. *Благодарите!* Аминь.

У Лафатера ¹¹⁹: «Внемли тихому гласу говорящего в тебе Господа!». Аминь.

Обнимаю и благословляю —

Ваш Со-Иоанн.

5.11.1948

Журналишки пришлите! Нужны!

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<10.III.1948>

Дорогой Иван Сергеевич!

Представьте себе — у меня *совсем иные настроения*¹²⁰. Да, мы предвидели многие опасности; да, нас не слушали; да, опасность сгущается.

Что же из этого вытекает?

У меня такое чувство, что мы присутствуем на *великом суде Божием*. И посему нам естественно: *благоговейно и в тишине* ждать *Его* решения. Мы в *Его* руке; но разве это необыкновенно, непривычно для нас? Отзовет — уйдем; оставит — будем *творить* дальше. Не жаловаться, не впадать в трепет — и не пытаться «провидеть», ибо *Его пути от нас сокрыты*. Я всю жизнь провисел на волоске, с 1914 г. волосок много раз и *надолго* становился волосочком. Не было надежды и вероятности удержаться на нем; но милостию Его — держался и удержался. Еще в подвале чеки (март 1918) я молился: «Я все свое сделал; моим возможностям конец. Да будет Воля Твоя: отзовешь — я отойду к Тебе; оставишь — *буду бороться дальше до конца*. Ибо я слуга и воин Твой». Так и теперь. Мне необходимо не предвидение мраков, которым, *может быть, и не суждено наступить*, а *бесстрашие и спокойствие*, и зоркое глядение в события. Трепеща с утра до вечера от собственного мраковидения, — я *не напишу больше ни строчки: а в этом мое служение*.

Мою книгу о Сущности Правосознания я заканчивал в ожидании ареста: моя квартира была запечатана, в Москве расстреливали, Деникин был у Орла, я укрывался на даче. Сидел перед окном и писал предпоследнюю главу «Правосознание и религиозность». Посмотришь в окно: если поедут, то *вон оттуда* — это минут десять — я *увиджу*. Итак: есть *еще 10 минут* — пишу.

Воображая свой расстрел (а я, готовясь к нему, психически *упражнялся* в этом ежедневно по несколько раз — года *три*), я не мог творить. Надо было *обрывать* эти упражнения, отодвигать, вновь *успокаиваться* — и тогда писать. Тогда-то я начал и

ту книгу, которую завершаю теперь. «Аксиомы религиозного опыта».

Я и сейчас солдат, *Его* солдат. Мне и сейчас необходимы спокойствие и бесстрашие, чтобы творить. А великие храбрецы русской армии говорили мне: «Боятся *все*, без исключения; но храбрый умеет обуздывать свое воображение и повелевать ему; только упусти его из-под спуда — и ты никуда не годишься». И были правы.

Вот мое настроение. Остальное добывается, умиряется и совершается молитвой.

С часу на час отправляю Вам Ваши документы.

К<онрад> зовется просто: Негг Konrad Vareiss¹²¹, и никаких титулов и никаких имен.

Обнимаю Вас.

Ваш И.

10.III.1948.

P.S. Невольно оглядываешься и спрашиваешь себя: откуда эта волна паники в Европе? Ведь Чехия оккупирована и подмята уже *два* года, если не три! То, что коммунисты сейчас сделали там — есть *ошибка* и *глупость*: они *напугали* *всесветное масонство*. 3 года подлый и глупый Бенеш¹²² разыгрывал à la Керенский «заложника демократии» в *левых* руках; и, позируя, успокаивал масонов, а масоны ему верили. И вдруг сорвалось... Готвальд¹²³ поторопился, вопреки сталинскому распоряжению, ибо *боялся* выборов (о коих ему доносили, что ком<мунисты> получают не 39 % голосов, а только 28 % ...). Стратегически это *огромная* ошибка, масонство стало решительно и окончательно готовить войну, оно испугалось, проснулось и *варит*. А вломиться из Чехии в Германию и Австрию было *без* переворота *гораздо* легче: *внезапно*, и *врасплох*, и все удобства. А что Чехия гарантий от USA *не* имела, это *все* знали.

Вопрос с Италией *гораздо* серьезнее: там переворот создаст casus belli¹²⁴.

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<4.VII.1948>

И. С. Шмелеву в Женеву

Дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо Вам за дружеское письмо с хорошими, радостными вестями о Вашем печатании... Наконец-то плотина рухнула!

Слава Богу! Теперь звоните во всю Ивановскую!! — Очень рад, что мог послужить Вам здесь, и счастлив, что все сошло удачно!

Но свиданием нашим я совсем не удовлетворен. Ведь общение наше, в сущности, не состоялось. О Главном совсем не говорили — ни о Боге, ни о вере, ни о Вашем творчестве, ни о моем — и даже не посоветовались, что же делать, если начнется оккупация Европы большевиками... Как будто прошли друг мимо друга. Если бы я так побеседовал с Субботинными, или с Лоллием¹²⁵, или с Мельгуновым¹²⁶, то было бы понятно и естественно; но, напр<имер>, с А. В. Карташевым, или с В. П. Рябушинским, — это была бы прямая неудача... А ведь это было — — с ВАМИ!! Недаром я просил Вас записать важные темы, с которых надо было бы начать. Я имел сказать Вам существенное о «Путях небесных», о строении духовного акта у Дарьи Ивановны и у Виктора Алексеевича, о Чехове, о русской поэзии и еще о многом... Да и сам я начинаюсь там, где моя лаборатория и где в ней мой «алтарь», коему я трепетно предстою. Прочее же во мне есть лишь моя более или менее неудачная «оболочка», и притом всегда страдающая, которая за последние годы слишком много страдает и требует поэтому некоторого снисхождения...

Кстати о моей «капризности»...

В 1921—1922 гг., убранный в Москве большевиками с юридического факультета, я вел в Философском институте два курса: «О философском методе» и о «Гегеле» — для кончающих студентов филологов-философов. Их было человек 65. Аудитория была (ради тепла) небольшая, и люди сидели друг на друге. Я вел оба курса *без записок — вдохновенным созерцанием*. Обычным актом: цельным, с участием сердца, воли, видения и мысли. И вот, студенты мои никак не могли понять, что *моего стула нельзя задевать* — что я испытываю каждый толчок или прикосновение, как электрический разряд в нервной системе, как резкий толчок *по духу* или как посторонний вскрик во время исполняемого ноктюрна. Я реагировал на это болезненно, а они, вероятно, думали, что это — раздражительность голодного профессора или же просто «каприз». Наконец я разъяснил им, что при этом происходит, что это — процесс большой и интенсивной концентрации, не терпящей прерывающих толчков и разрядов.

Покойный П. Н. Врангель говаривал мне: «Порыв не терпит перерыва!», и был совершенно прав. А вдохновение есть именно длящийся, и притом духовно, утонченный порыв.

И вот — виню самого себя. Ибо много раз запрещал себе неуместное вдохновение во время бесед: люди не видят его, не замечают и относят мою острую реакцию на «перерыв в порыве» к моей невоспитанности, к самомнению, к претенциозности или, как Вы деликатно выразились, — к моей «капризности». А я все опять забываю свой самозапрет. Забываю, что снисхождение к этой моей особенности имеют, кроме Наталии Николаевны, только друзья, *хорошо* меня знающие. А ведь с Вами мы виделись всего третий раз в жизни; и лекционные мои переживания, меня самого нередко потрясающие гораздо больше, чем публику, тоже не могут Вам дать осязание моей несчастной личности, ибо Вы никогда не слышали меня, публично говорящего. А потому рассчитывать на Ваше снисхождение я не имел никакого права и основания...

Может быть, потому и лучше, что мы не углублялись с Вами в священные Предметы, а то Вы восприняли бы меня как «совершенно невыносимого капризника»... —

Очень тревожит меня Ваше безвизное состояние! Думаю, что надо молиться молитвою Сократа: «Пошли мне то, что для меня благо, если бы я и не просил об этом! и не посылай мне того, что для меня дурно, хотя бы я и просил о том». Или по-нашему: «Да будет воля Твоя!».

Обнимаю Вас душевно и очень жду «Записок неписателя»!
Ваш «антрепренер» и ценитель

И. А. Ильин.

Цолликон, 4 июля 1948

<Приписка, сделанная И. А. Ильиным по возвращении его писем (после смерти И. С. Шмелева):>

(После бесплодного, с его стороны неудержимо разговорчивого свидания в Цюрихе, когда он два часа пел дифирамбы святости впервые увиденной им Дины Михайловны Рустергольд и прерывал меня на каждом третьем слове, чем и вызвал мое «капризное» умолкание...)

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<31.VII.1948>

Дорогой Иван Сергеевич!

Все тревожимся о Вашей визе...

На всякий случай, чтобы не вышло недоразумения: если бы Вам пришла в голову мысль пригласить в (неосуществляющий-

ся) Пушкинский сборник Вышеславцева, то я немедленно *отступлю*; — «скверный характер» или «каприз», как прикажете...

Я и то каюсь, что в Анастасиевский юбилейный сборник послал статью... Не надо было. Боюсь: по выходе сборника станет неуютно. Бывало, как сядешь в Москве в Чеку, привезут в подвал — наблюдать *очень* интересно, а *общность* клопов и вшей с этими людьми *огорчает*. С тех пор мой характер не улучшился. *Издали* согласен сочувствовать всем «мытарям», «магдалинам», «эффиальтам»¹²⁷ и т. д. А водиться с ними — душа не радуется... Грешен: 1) «гордость» 2) «самоумнение» 3) «чистюльство» 4) «моральное доктринерство» 5) «капризность» 6) «сплендид»¹²⁸ «изолезен'ство» 7) «трепетно-лань'ство» etc, etc, etc. Все, что кому угодно.

Но — всю жизнь прожил иначе и уж на старости поздно меняться.

Ну — «всего! и — пока!».

31.VII.1948

Ваш «Свое-клоп-ник».

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<4.VIII.1949>

4 авг<уста> 1949

Дорогой Иван Сергеевич!

Немедленно после Вашего письма я запросил Мельгунова о «Богомолье» и получил его согласие. Так что надеюсь до 15 августа отправить — в *первый* номер¹²⁹. Думаю написать кратко, но выразительно.

Последнее время пересматривал Куприна¹³⁰ по изданиям «Нивы» и Моск<овского> книгоиздательства. Прямо — заболел! В русской литературе XX века писатели состояли нередко прямыми «сыщиками зла», но сыщиками (простите, Бога для!) — смакователями, аки «псы, возвращающиеся на блевотины своя». Не Пушкин, не С. Т. Аксаков¹³¹, не Толстой, не Лесков. Но Гоголь сам *изнемог* от этого, даже до смерти. Достоевский *мечтал* прекратить это. Тургенев, скудный в духовном видении, старался не впадать в это. Но Салтыков!¹³² Но любезные народники! И особенно народники «последнего призыва» — Бунин, Горький¹³³, Куприн. Начитаешься — и *свет не мил*, на людей не глядел бы, России стыдился бы...

Как по-Вашему — Куприн пил и *потому так* видел или *так* видел и *потому* пил?

Вышла в прошлом году по-немецки книга Александра Шельтинга¹³⁴ «Россия и Европа». Пишу на эту подлость *три* рецензии. Давно ли Вы читали Чаадаева? Перечитайте, пожалуйста, этого декадента, сноба и кощунника!

Окончил «Аксиомы рел<игиозного> опыта», 26 глав, около 700 печ<атных> стр<аниц>. Рвусь дальше.

Ваш И.

